

ПУБЛИКАЦИИ

Г. А. Замятин

ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ ГАНСА МУНКА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1611–1612 гг. И КОНТРМЕРЫ ВОЖДЕЙ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ОПОЛЧЕНИЙ

Имя Германа Андреевича Замятина, творческий путь которого рассмотрен в специальных статьях Г. М. Коваленко и Л. Дубьевой¹, до недавнего времени было известно лишь узкому кругу специалистов. Долгое время труды этого крупнейшего специалиста по истории русско-шведских отношений начала XVII века незаслуженно замалчивались.

Наиболее плодотворный в научном плане период жизни Г. А. Замятина был связан с его работой в Молотовском (Пермском) педагогическом институте (1938–1953). Однако многим его трудам, написанным в это время, была уготована печальная участь, они не были опубликованы ни при жизни ученого, ни после его кончины, а некоторые из рукописей не найдены до настоящего времени. Среди рукописей ученого, которые хранятся в настоящее время в фонде Замятина в НИОР РГБ (Москва), находится и публикуемая в данном сборнике работа о походах шведского военачальника Ганса Мунка.

Время ее написания можно установить лишь приблизительно. Еще в 1939 г. Г. А. Замятин предложил для издания в Новгородском историческом сборнике «Очерк военных операций шведов в Новгородском уезде в 1611–1613 гг.». В этой работе, по-видимому, уже были намечены основные штрихи будущего труда о походах Ганса Мунка, с которым «Очерк военных операций...» тематически связан². Мы говорим «по-видимому», потому что к настоящему времени данный «Очерк»

---

¹ Коваленко Г. М. Герман Андреевич Замятин // Изв. М., 2006. № 9 (127). С. 358–367; Dubeva L. G. A. Zamjatin (1882–1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Tartu, 2005. S. 519–520.

² Замятин Г. А. Военные операции Ганса Мунка в 1611–1612 гг. и контрмеры вождей 1 и 2 ополчения // НИОР РГБ. Ф. 618. Карг. 2. Ед. хр. 1.

обнаружить не удалось. Замятин писал: «Я использовал при составлении новое издание Генерального Штаба Швеции.... Этот доклад был мною прочитан на Заседании кафедры истории в Пермском Педагогическом институте и был одобрен»³.

К 1940 г. уже была окончательно уточнена структура будущей докторской диссертации из 4-х очерков, в которой походам Ганса Мунка не нашлось места. Отдельные моменты, связанные с походами Ганса Мунка, были разобраны Замятиным в первом очерке докторской диссертации, посвященном походам шведов к Кольскому острогу, Сумам и Соловецкому монастырю⁴.

После защиты докторской диссертации (июнь 1943 г.) Замятин вновь вернулся к данной работе о походах Ганса Мунка. Скорее всего, это произошло уже после окончания Великой Отечественной войны, когда у Германа Андреевича стало больше свободного времени. В 1946 г. он смог вновь побывать в Тарту и поработать с хранящимся в университетской библиотеке архивом Делагарди, сделать выписки и фотокопии документов. Многие из них были введены в научный оборот в его трудах о борьбе за Псков, Корелу, о восстаниях против шведов в 1613 г. в городах Северо-Запада и в работе о походах Мунка.

Работа о походах Ганса Мунка под названием «Из истории борьбы русского народа со шведской интервенцией в начале XVII века» была завершена в 1948–1949 гг. и отправлена в Москву для публикации в журнале «Исторические Записки». Отзыв на работу был неутешительный для Замятина (см. Приложение) и ему было отказано в публикации.

Этот труд Г. А. Замятина, написанный более 70 лет назад, до сих пор не утратил своего научного значения. Вряд ли кто из современных исследователей будет оспаривать его основные положения. Публикация этой работы в Новгородском историческом сборнике – дань памяти выдающемуся исследователю Смутного времени, Герману Андреевичу Замятину.

Я. Н. Рабинович

---

³ Письмо Замятина к Порфиридову 7.3.1940 // ОПИ НГОМЗ (Великий Новгород). № 3852.

⁴ *Замятин Г. А.* Походы шведов в Поморье в начале XVII в. // Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та. Ист. филол. факультет. 1941. Вып. 8. С. 47–77; *Замятин Г. А.* Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII века // НИОР РГБ. Ф. 618. Карг. 2. Д. 3. 444 +2 л.

Глава 1

В истории шведской интервенции в Московское государство в начале XVII в., а также в истории борьбы русского народа с интервентами имеются ещё темные места, своего рода «белые пятна». Совсем недавно советские историки начали писать о походах шведов в Поморье; ранее считали, что шведы вели военные действия лишь у Финского залива с целью превратить Балтийское море во внутреннее озеро Швеции⁵. Да и в районе Финского залива и Ладожского озера не все военные операции шведских отрядов освещены с исчерпывающей полнотой.

В настоящей работе я хотел бы сосредоточить внимание на некоторых событиях в Заонежской половине Обонежской пятины Новгорода Великого (точнее под Сумским острогом), затем на Белоозере, в Каргополе и в Устюжне в период примерно со дня захвата шведами Новгорода в июле 1611 г., до очищения Москвы от поляков в конце октября 1612 г., стало быть, в период распада Первого земского (Ляпуновского) ополчения и формирования и деятельности Второго ополчения (Минина и Пожарского).

Обычно историки, писавшие о «смутном времени», говорят, на основании сообщения «Нового Летописца» лишь об укреплении шведов у Тихвина. Изучение операций шведского отряда под Сумским острогом, на Белоозере, под Каргополем и изучение положения, в каком находилась Швеция в 1611–1612 гг., позволяет, думается мне, лучше понять политику вождей 2-го земского ополчения в отношении шведов, засевших в Новгороде, и условия успешного завершения начатого нижегородцами великого патриотического дела.

Может быть, не лишнее напомнить с самого начала, в какой обстановке происходила шведская интервенция в 1611–1612 годы. Как известно, Я. Делагарди начал свой второй поход в Россию в январе 1611 года. Первые операции шведов под Орешком и Ладогой кончились неудачей. 2 марта 1611 г. после более, чем шестимесячной осады, капитулировала Корела. Поход на Колу, предпринятый другим шведским отрядом в это же время, провалился. Наступившая весенняя распутица, видимо, задержала дальнейшее продвижение армии Делагарди вглубь России. Между тем в Швеции произошли крупные перемены: Дания объявила войну Швеции; «1-го мая 1611 года Христиан из Христиано-

---

⁵ См. статью: *Замятин Г. А.* Походы шведов в Поморье // Ученые записки Молотовского пединститута. Молотов, 1941. Вып. 8. С. 47–77.

поля двинулся на север и начал осаду Кальмара»⁶. То была, так называемая Кальмарская война, закончившаяся миром в Кнереде в январе 1613 года. Выходит, что с мая 1611 г. до 2-й половины января 1613 г. Швеция должна была вести одновременно борьбу на два фронта: а) против Дании, б) против России. Можно с уверенностью говорить, что Кальмарская война затруднила военные операции шведов в России. Впрочем, затруднения сказались не сразу. Сколько известно, в 1611 г. части армии Я. Делагарди не перебрасывались из России на другой фронт. Располагая пока достаточными силами, Я. Делагарди в ночь с 16 на 17 июля захватил штурмом Новгород Великий, согласно ранее полученного королевского приказа. Новгород становится с этого времени главным опорным пунктом шведов в России. После захвата Новгорода шведский фельдмаршал концентрирует силы против «псковского вора». Эта борьба с псковским самозванцем рассмотрена мною в другой работе⁷.

Я оставляю в стороне также историю захвата шведами русских городов, расположенных близ Финского залива. В данный момент мне необходимо проследить операции шведских отрядов в русских местностях к северо-востоку от реки Волхова. Сведения об этих операциях приходится отыскивать в источниках на шведском языке, в частности, в донесениях шведского фельдмаршала Я. Делагарди королям Карлу IX и Густаву II Адольфу и в письмах его же канцлеру А. Оксеншерне. Все же в настоящей работе автор предпочитал опираться преимущественно на источники (частью уже опубликованные, частью архивные) на русском языке.

Какие же отряды действовали в местностях к северо-востоку от Волхова?

Авторы новейшего труда на шведском языке о русско-шведской войне в первые десятилетия XVII в. сообщают кратко, что в начале 1612 г. шведы добились известных успехов в области к северу и к востоку от Ладоги (Ладожского озера): здесь Ганс Мунк привёл жителей в «Agnete» (Onega) к повиновению; он пытался также овладеть городами Белозёрском и Каргополом⁸.

В известных трудах по истории крестьянской войны в России в начале XVII в. С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова, С. Ф. Платонова, Ю. В. Готье, П. Г. Любомирова и др., равным образом в сборнике «Ве-

---

⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1894. Т. 2. С. 104.

⁷ Замятин Г. А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008.

⁸ Generalstaben. Sveriges krig 1611–1632. Bd. 1. Danska och Ryska krigen. Stockholm, 1936. S. 393.

ликое дело Минина и Пожарского», о военных операциях Мунка в Московском государстве нет ни слова (хотя некоторые, напр., П. Г. Любомиров, имя Мунка упоминают не раз).

Чем это молчание объяснить? Может быть, операции Ганса Мунка представляют настолько незначительный эпизод в истории польско-шведской интервенции начала XVII в., что о них нет нужды и говорить? По моему мнению, молчание русских историков об операциях Мунка в Московском государстве следует объяснить в первую очередь недостатком источников. К этому присоединяется другое обстоятельство: некоторые источники на русском языке неправильно датированы. Это, конечно, должно было оказать известное влияние.

Краткое сообщение шведских ученых об операциях Мунка послужит мне пунктом, оттолкнувшись от которого, я попытаюсь повести самостоятельные изыскания по интересующему вопросу. Предварительно познакомимся с Мунком.

Биографические данные о Мунке собраны были в прошлом столетии Анрепом, а в XX в. Энгельшерноу; приведенные ниже данные почерпнуты из источников, бывших у меня под руками.

По свидетельству Я. Делагарди, Ганс Мунк – финский дворянин (een Finsk adelsman. – Г. З.). Под одной собственноручно написанной для шведского фельдмаршала запиской сохранилось полное имя Мунка: Hans Michilson Munck (Иван Михайлович Мунк. – Г. З.). Русские нередко сливают имя (Hans) и фамилию (Munck) в одно слово «Анцмук». Как пишет А. Оксеншерне Я. Делагарди, Ганс Мунк служил шведам верой и правдой, он не отказывался ни от каких поручений⁹. Сначала Мунк находился в качестве лейтенанта у Андерса Янсона (Anders Jannsons Leutenant), затем служил дворецким у шведского фельдмаршала (Делагарди называет Мунка «*min orwaktar*»).

В июне 1611 г. Я. Делагарди, стоявший с войском недалеко от Новгорода, отправляет Ганса Вахова (Hans Wachoff) – шотландского ротмистра – и Ганса Мунка с увещательным письмом под Москву к военачальникам и наиболее знатным русским людям¹⁰. В донесении королю 28 августа 1611 г. Делагарди сообщает, что во время пребывания Ганса Вахова и Ганса Мунка под Москвой русские избрали одного из

---

⁹ Rikskansleren A. Oxenstiernas Skrifter och brevväxling (AOSB). Semare Afdeln. B. V: Jakob de la Gardie bref 1611–1650. Stockholm, 1893. S. 16.

¹⁰ Письмо Я. Делагарди королю 12 июня 1611 г. См.: Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. Т. 2. С. 13. Текст письма см.: Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII в. С. 48. Донесение Я. Делагарди в библиотеке Тартусского университета.

сыновей Карла IX царем; король может убедиться в этом из прилагаемой копии письма москвичей к новгородцам¹¹.

Параллели сообщению шведского фельдмаршала находим и в источниках на русском языке. Прибывшие из-под Москвы в августе 1611 г. в Сумский острог воевода Максим Васильевич Лихарев и голова Елизарей Денисьевич Беседного в своем листе к шведским наместникам (не названным по имени. – Г. З.) 20 августа того же 1611 года объявили, что в июне 119 (1611. – Г. З.) года были съезды близ Новгорода Великого между уполномоченными Ляпуновского ополчения, Вас[илием] Ив[ановичем] Бутурлиным, и Я. Делагарди «о добром деле, и о совете, и подкреплении вечнаго миру, и о вспоможении против Полских и Литовских людей»; при переговорах Делагарди сообщил, что у шведского короля есть «два сына». «И присылал Яков Пунтусов о том под Москву к бояром и воеводам и ко всяких чинов людем посланников своих Анцу Пухова да Анца Мака, чтоб взяли на Московское государство... государя Свейского Карлусова сына королевича». «Бояре, воеводы, и окольные, и столники и стряпчие, и дети боярские, и всяких чинов люди Московского государства», по заявлению сумских воевод, «изобрали на Московское государство... свейского королевича» и отправили к королю Карлу IX своих послов князя Ивана Федоровича Троекурова с товарищами, а посланных Делагарди «Анцу Пухова да Анцу Мака отпустили тотчас к Якову Пунтусову». Основываясь на том, что у бояр с королем «доброе дело сталося», сумские воеводы предлагали шведам унять «ратных своих и порубежных людей» от неприязненных действий против русских¹². Таким образом, Ганс Мунк в 1611 г. принимал участие в выполнении ответственного задания шведского фельдмаршала. Позже, в 1616 г., уже во время переговоров о мире с русскими, Я. Делагарди указывал, что посланные под Москву «целых два месяца не возвращались»¹³.

Нам важно подчеркнуть, что Ганс Вахов и Ганс Мунк всё же (хотя и через два месяца) вернулись из-под Москвы в Новгород, захваченный шведами во время их отсутствия¹⁴. В августе 1612 г. Я. Делагарди на-

---

¹¹ Донесение Я. Делагарди 28 августа 1611 г. в библиотеке Тартусского университета.

¹² Лист Сумских воевод к Шведским воеводам о прекращении неприязненных действий по случаю избрания на Российский престол Шведского королевича. Сумский острог, 20 августа 1611 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 2, № 193. С. 341–342.

¹³ Донесения нидерландских посланников о посольстве в 1615–1616 гг. в Швецию и Россию // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 24. С. 226–227.

¹⁴ В грамоте 26 июля 1612 г. из Ярославля митр. Исидору читаем: «А что вы, великий господин, писал нам в своей грамоте о дву Немчинах, которые посланы под Москву

значает Мунка ротмистром на место шурина последнего, Лассе (Ларсе) Андерссона (Larse Andersson), служившего на о. Эзеле. В начале 1614 г. Мунк, надо думать, вернулся с о. Эзеля.

Мы встречаем Мунка снова в Заонежских погостах. В марте 1614 г. Богдан Чулков и атаман Томила Антипьев каждый в отдельности писали в Москву, что «литовские люди и черкасы», повернув с Олонца назад, остановились на «Тулмозере»; в острожек на Тулмозере пришёл с отрядом «воевода Анцмук Михайлов», «а немецких де людей с ним двести человек», черкасы со шведами «соединились»¹⁵.

В приведённом известии важно указание на количество ратных людей в отряде Мунка. В том же 1614 г. Мунк назначается начальником всеми шведскими частями в Корельском уезде. 27 июля 1614 г. неподалеку от Корелы (Кексгольма) у деревни Угоньями произошёл жестокий бой между русскими и шведами; русских (стрельцов, казаков и др.) было до 700 человек. Во время боя Мунк получил такое ранение, что дол-

---

с грамотами, о полоняниках Немецких, и Русских людях, которые иманы в языцех, чтоб их отпустить с обе стороны: и в прошлом во 119 году два Немчина присланы к бояром с грамоты под Москву, а не в Ярославль и были они посяместа под Московую, а в Ярославле их нет, а ныне мы под Москву писали, будет они посяместа не отпущены, и их бы отпустили в Великий Новгород». См.: Отписка воеводы князя Дмитрия Пожарского и Ярославской земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о намерении их жить в неразрывном союзе с новгородцами и о посылке в Новгород дворян Перффирия Секерина и Федора Шишкина // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 1, № 164. С. 289–290. П. Г. Любомиров замечает по этому поводу: «... речь идет, очевидно, об «Анце Пухове» и «Анце Маке», присланных к Ляпунову от Делагарди». См.: Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 143. Предположение П. Г. Любомирова противоречит приведенным выше заявлениям сумских воевод к Я. Делагарди. Митр. Исидор просил об отпуске ротмистра Георга Брюнно (Jöten Вруппо), посланного Я. Делагарди под Москву вместе с новгородским дворянином Дмитрием Зелениным уже после заключения договора Новгорода со шведским фельдмаршалом, вероятно, в начале августа 1611 года. Брюнно был задержан под Московую на целых полтора года; Д. Т. Трубецкой отпустил его лишь в январе 1613 г. Данные о Брюнно собраны мною в статье. См.: Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1926. Т. 3. С. 25–26. В приложении к статье напечатаны показания Брюнно, данные в Новгороде, о кандидатурах, обсуждавшихся на соборе 1613 года. Личность второго шведа из задержанных под Московую выяснить не удастся.

¹⁵ Отписка воеводы Федора Плещеева о побеге атамана Михаила Титова со взятыми под Олонцом казаками к Барай мурзе. 1614, февраль // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова (далее – АМГ). СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 57. С. 94; Отписка Каргопольских воевод Ивана Дашкова и Степана Пустошкина о приходе Литовских воинских людей в Шуйскую волость Новгородского уезда и о намерении их идти на Белоозеро и под Кирилов монастырь. 1614, апрель // АМГ. Т. 1, № 70. С. 106–107. Ср.: Ардашев Н. Из истории XVII века. Очищение русской земли. Поход черкас // ЖМНП. 1898, июнь. С. 257.

го не мог выполнять своих обязанностей: в сентябре 1615 г. (или 1614 г.?) король должен был поручить исполнение обязанностей начальника шведских войск в Кореле Отту Гротхузену¹⁶.

В июле 1616 г. Ганс Мунк, по сообщениям русских людей, прибывает с отрядом ратных людей из Корельского уезда в Ладогу. Тотчас же по прибытии в Ладогу Мунк послал от себя в Новгород к Якову Пунтусову гонца, а на другой день отправил «ко государевым послом на Тихвину лазутчика русского человека»¹⁷. Присутствовал ли Мунк при переговорах Я. Делагарди с русскими о мире в 1616 г., – сказать трудно. В 1617 г. после заключения Столбовского мира Мунк выступает одним

---

¹⁶ *Waaranen J.* Samling af urkunder rörande Finlands historia. Helsingfors, 1874. Bd. IV. № 260; Bd. V. № 343, 344; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях. СПб., 1894. Т. 2. С. 132.

¹⁷ Отправленные 12 июля 1616 г. Д. И. Мезецким и др. послами из Тихвина в Ладогу в качестве провожатых одного из свиты Д. Меррика («с Робортом с Мяретом») новгородец Обожежской пятины сын боярский Девятой Саблин и тихвинский стрелец Иванова приказа Шипилова Ивашко Романов, по возвращении в Тихвин 124-го (1616) года июля в 17 день сообщили (Саблину и Романову приказано было «в Ладоге всяких вестей проводить») со слов ночевавших вместе с ними русских людей: «*В Ладоге де немецких прежних людей полтораста человек осадных, да с Арвеем Тенисовым (Арвид Тённессон – шведский комиссар на переговорах с русскими о мире. – Г. 3.) конных шестидесять человек, а ротмистр у них Каптелин, да двести человек пеших солдат. Да после того Арвея перед ево, Девятого, приезде ден за пять пришел в Ладогу из Выборга да из Корелы немецкой воеводка Анц Мук Михайлов, а с ним деи немецких конных людей двести пятьдесят человек, и стал де он с теми немцы в Горицком монастыре под городом близко, а наряду де с ним никакова нет*». Сообщения Саблина и Романова подтвердились. Выходец из Ладоги «сын боярский новгородец Вотцкие пятины Мамлей Сабуров» по приезде в Тихвин 12 августа 1616 г. рассказал московским послам: «*В Ладоге де немецких осадных пеших людей 140 человек, да с Арвеем де Тенисовым пришло конных немец 300 человек, да с Бндриком Горном пришло 30 человек, а по смете де в Ладоге всяких немецких людей с кнехты и с нахолками человек с 700*». По рассказу лазутчика «крестьянина Змеева Ларки Федорова», по поручению послов ходившего из Тихвина в Ивановский монастырь к строителю Варсанофию «для вестей» и вернувшегося обратно 16 августа 1616 г., «*июля... в 11 день в четверг пришел в Ладогу из Лопи немецкой воеводка Анц Мунк, а с ним... пришли немецких воинских конных людей под тремя прапоры сто пятьдесят человек, а стали де, пришед, за городом за речкою за Ладожскою вместе с Арвеем Тенисовым*»; по прибытии Мунк «*тотчас послал от себя в Новгород к Якову Пунтусову гонца*». Выходец из Ладоги новгородец торговый посадский человек Степанко Яковлев, которого прислал из Сяского острожка в Тихвин Чаадай Спешнев, «*124 (1616) года августа во 2 день*», также при допросе показал: «*... в Ладоге де немецких людей старых семдесят человек пеших, да с Арвеем де пришло было немецких людей из Выбора подъемных человек со сто, и он деи тех немец с половину отпустил назад, а достальные де по селам косят сено и жнут рож. Да в Ладогу ж де пришил тому недели з две из Корелины Анц Мук, а с ним деи пришло немецких конных людей двесте семдесят пят человек*». См.: РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Шведцией. 1616 г. Д. 8.

из уполномоченных со стороны Швеции при установлении границы в Корельском уезде. Действия Мунка вызвали у русских негодование¹⁸.

Ещё в августе 1612 г. Я. Делагарди ходатайствовал перед канцлером А. Оксеншерною о пожаловании Мунку «за его верную службу» (för sin trogne tjänst) нескольких деревень в разных приходах Финляндии. Позднее Мунк получил чин полковника.

Вот некоторые данные о Мунке. Мы видим, что Мунк – родом финн – весьма активный участник шведской интервенции в Московском государстве в первые десятилетия XVII в., служивший шведам не за страх, а за совесть.

Попробуем теперь внимательнее изучить известия о военных операциях Ганса Мунка в Московском государстве.

В письме к А. Оксеншерне от августа (число стерлось. – Г. З.) 1612 г. Я. Делагарди сообщает, что Ганс Мунк провел целую зиму с войском в местности, отстоящей от Новгорода более 50 миль, против Норвежского Поморья, приводя к покорности шведам мятежных крестьян и собирая деньги на содержание шведского войска¹⁹. Это сообщение нельзя признать точным. Не ясно, что это за местность «против Норвежского Поморья», где провёл зиму Мунк.

Уяснить дело помогают другие донесения шведского фельдмаршала королю.

В донесении Карлу IX 3 октября 1611 г. Я. Делагарди пишет, что он послал несколько войска на другую сторону Тихвина (till Agnisma och Agnega län), находящуюся против Кексгольмского лена (Корельского уезда. – Г. З.), чтобы привести к присяге и собрать денег с крестьян, сколько может понадобиться на первых порах на содержание войска²⁰.

Agnisma – по предположению Вааранена, это – Олонец²¹, Agnega – Онега. По словам А. Л. Погодина, «Олонецкая земля называется в до-

---

¹⁸ *Waaranen J.* Samling af urkunder rörande Finlands historia. Helsingfors, 1874. Bd. V. № 229; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Часть четвертая (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902. С. 151; *Якубов К. И.* Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. Сб. мат. из Моск. Главн. Архива МИД и Шведского Гос. Архива 1616–1651 // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1897. Кн. 3. М., 1897. С. 67–69; *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII ст. СПб., 1894. Т. 2. С. 72–73.

¹⁹ См. переписку Оксеншерны. *Rikskansleren A. Oxenstiernas Skrifter och brevväxling (AOSB). Semare Afdeln. B. V. S. 16.*

²⁰ Донесения Я. Делагарди от 3.10.1611 г. в библиотеке Тартусского университета. См. также: *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. С. 60; *Кордт В. А.* Указ соч. С. 13.

²¹ *Waaranen J.* Samling af urkunder rörande Finlands historia. Helsingfors, 1874. Bd. IV. № 363.

кументах: Agnisma (1587), Auniszma (1590), Aunissma и Agnesma (1612), Agnisma (1617), Augnismaa (1657)»²². Таким образом, надо заключить, что отряд направлен был Я. Делагарди в местность между Ладожским озером и Онегой. Эта местность лежит действительно против Корелы. Я. Делагарди, жившему в Новгороде, указанная местность, естественно, представлялась находящейся по ту сторону Тихвина. Авторы «Sveriges krig 1611–1632» так пишут: «Другой отряд был послан в местность между Ладогою и Онегою подле границ Кексгольмского лена»²³. Если взять карту России XV–XVI вв., то увидим, что эта местность представляет не что иное, как Заонежскую половину Обонежской пятины Новгорода Великого²⁴.

В донесении Густаву II Адольфу 22 апреля 1612 г. Я. Делагарди сообщает, что местность, расположенная против Кексгольмского лена, называемая *Sanega* (Заонежье, древнерусское «За Онег». – Г. З.), со многими другими волостями, подчинёнными Новгородскому государству, расположенными от него весьма далеко, недавно присягнула на верность великому князю, которого ожидают из Швеции, потому что там был отряд войска, который и привёл жителей к присяге²⁵. Как можно видеть, и в донесении Густаву II Адольфу Я. Делагарди имеет в виду ту же местность, что и в донесении Карлу IX, именно, территорию между Ладожским озером и Онегой, другими словами, Заонежскую половину Обонежской пятины. Ни в том, ни в другом донесении Делагарди не упоминает имени начальника действовавшего здесь отряда, но, если принять во внимание письмо Делагарди канцлеру А. Оксеншерне, то едва ли можно сомневаться, что в донесениях Делагарди королям речь идёт о Гансе Мунке и об его отряде.

Хотелось бы подчеркнуть, каким путём Делагарди узнал в Новгороде о присяге части жителей Заонежья шведскому герцогу. В донесении фельдмаршала Густаву II Адольфу нет ни слова о том, что кто-нибудь написал о присяге в Новгород. Видимо, Я. Делагарди сообщили о присяге устно. Кто? Всего вероятнее, начальник отряда – Мунк. Эта маленькая деталь заставляет предположить, что Ганс Мунк со своим отрядом вернулся в Новгород ещё до 22-го апреля 1612 года.

---

²² *Погодин А. Л.* Из истории сношений финнов с индоевропейцами // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (далее – ИОРЯС). СПб., 1905. Т. X, кн. 3. С. 10. Примеч. 3.

²³ *Sveriges krig 1611–1632*. Bd. 1. S. 381.

²⁴ Карта Обонежской пятины XV и XVI вв., составленная А. М. Андрияшевым, напечатана в приложениях к «Писцовым книгам Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г.» См.: Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Изд. АН СССР. Л., 1930.

²⁵ Донесения Я. Делагарди от 22.4.1612 г. в библиотеке Тартусского университета. См. также: *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. С. 67.

Донесения Я. Деллагарди Карлу IX 3 октября 1611 г. и Густаву II Адольфу 22 апреля 1612 г. подтверждают сообщение фельдмаршала А. Оксеншерне: Ганс Мунк, отправленный из Новгорода в Заонежскую половину Обонежской пятины в сентябре 1611 г., пробыл здесь до 20-х чисел апреля 1612 г., другими словами, провёл целую зиму, не только собирая доходы, но и добиваясь, чтобы жители принесли присягу шведскому герцогу, покорились шведам.

Извлёкши некоторые данные об операциях Мунка в Обонежской пятине из донесений и писем шведского фельдмаршала, перейдём к рассмотрению источников на русском языке: раз операции Мунка в России представляются фактом, трудно допустить, чтобы они не нашли отражения в русских источниках. В данный момент для нас представляется интересной грамота Я. Деллагарди и И. Н. Одоевского 1612 г. (после 22 июня. – Г. 3.) в Каргополь. В грамоте говорится: «в нынешнем во 120 году велено с Заонежских погостов и с Водлозерские волости королевского величества дворянину и ратному голове Анц Муку с товарищи на 119 и на 120 год денежные доходы, по окладу (собрать) сполна; а будет, которых Заонежских погостов крестьяне тех денежных доходов платить не учнут, и королевского величества дворянину Анц Мунку велено на них с немецкими ратными людьми приходити и промышляти, сколько Бог помочи подаст»²⁶.

Таким образом, мы находим в источнике на русском языке прямое указание на приказ новгородских властей (Я. Деллагарди и И. Н. Одоевского. – Г. 3.) Гансу Мунку с товарищами собирать с крестьян Заонежских погостов денежные доходы на 119 и на 120 гг. Не вполне ясно, однако, когда именно последовал приказ новгородских властей Мунку, выражение в грамоте: «в нынешнем во 120 году» неопределённо, 120-й год начался с 1 сентября 1611 г. Раньше сентября 1611 г. приказ не мог быть дан: ведь Мунк вернулся из-под Москвы вместе с Гансом Ваховым не ранее половины августа 1611 г. Не лишнее подчеркнуть и другой факт. Как свидетельствует К. Якубов, в Государственном архиве Швеции в Стокгольме хранится книга со следующим заголовком на первой странице: «Книга, а в ней писано, сколько со Штинского стану и з Заонежских погостов по росписем за приписми диаков Семёна Лухотина да Ондreja Лысцова по окладу на 119 год всяких денежных доходов взяти, и что на 118 год денежных доходов доняти, а сколько с которого погоста и которого числа денежных доходов взято, и то писано в

---

²⁶ Грамота Новгородского государства бояр и воевод Якова Деллагарди и князя Ивана Одоевского каргопольцам относительно сбора податей в Водлозерской волости. 1612, после 22 июня // Памятники истории нижегородского движения. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее – НГУАК). Сборник. Т. 6. Нижний Новгород, 1913. № СХХІ.

сеи книги имянно»²⁷. Книга остаётся для меня недоступной. Наличие книги позволяет только заключить, что в Новгороде готовились собирать доходы с Оштинского стана и с Заонежских погостов и за 118 (1610) и 119 (1611) годы, составляли росписи.

Что же заставляло новгородских властей предпринимать такие шаги?

Объяснение находим в упомянутой выше грамоте Я. Делагарди и И. Н. Одоевского в Каргополь 1612 г. (после 22 июня. – Г. 3.). В грамоте читаем: «а во 119 году, февраля в 22 день, в московской грамоте, за подписью диака Ондreja Иванова, писано в Великий Новгород: что в прошлом во 118 году посыланы с Москвы в Заонежские и в Оштинские погосты, для денежных доходов Богдан Воейков с товарищи, и во 119 году для тех же доходов посыланы с Москвы Феодор Кологривов с товарищи. заонежские и оштинские мужики во 118 году дали денежные доходы многие, а на 119 год денежных доходов не дали и денежных сборщиков из погостов выслали вон; и по той грамоте велено заонежские и оштинские погосты ведати и денежные с них доходы сбирати в Новгород по прежнему. А что в заонежских и в оштинских погостах по окладу живущих вытей, и что с тех вытей денежных доходов, и тому прислана роспись»²⁸.

Мы видим, что жители Оштинских и Заонежских погостов отказались платить доходы на 119 (1611) год и даже выгнали присланных с Москвы сборщиков. Московские власти передали право сбора доходов в указанных погостах новгородским властям. Видимо, новгородские власти собрать денежные доходы с Заонежских погостов до захвата Новгорода шведами (в июле 1611 г. – Г. 3.) не сумели. За дело взялся Я. Делагарди. Не была ли дана составленная в Новгороде книга для сбора денежных доходов с Заонежских погостов Мунку? Я склонен дать на поставленный вопрос утвердительный ответ. Но, если книга дана была Мунку, то когда именно?

Как увидим ниже, зимой 1611–1612 гг. Мунк с Б. Лупандиным, Ф. Витовтовым и Брякилёвым находились в Заонежье около Сумского острога, в июне 1612 г. Мунк вместе с Вас[илием] Неплюевым и Вас[илием] Змеевым действует в Водлозерской волости (к востоку от Онежского озера. – Г. 3.). У меня складывается мнение, что Мунку давали в Новгороде поручение собрать денежные доходы в Заонежских погостах дважды: 1) в сентябре 1611 г. 2) в конце апреля – начале мая 1612 г. (по старинному летоисчислению это был 120-й год. – Г. 3.).

---

²⁷ Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР. 1890. Кн. IV. С. 40.

²⁸ Действия НГУАК. Сборник. Т. 6. № СХХI.

В грамоте Я. Делгарди и кн. И. Н. Одоевского в Каргополь 1612 г. мы находим прямое указание на второе поручение, о первом приказе Мунку приходится догадываться. Возможно, что книга, хранящаяся в Стокгольмском Государственном архиве, составленная в Новгороде ещё до возвращения Мунка из-под Москвы, была вручена Мунку с товарищами в сентябре 1611 г. одновременно с приказом (первым по счёту) отправиться в Заонежские погосты для сбора денежных доходов. Так вскрываются из источников на русском языке формальные основания послышки Ганса Мунка с отрядом в Заонежскую половину Обонежской пятины.

Русские источники позволяют осветить и некоторые моменты операции Ганса Мунка. Из этих источников моё внимание особенно привлекает лист Ганса Мунка с товарищами Максиму Васильевичу и ратным людям и жителям Заонежских и Општинских погостов, с увещанием, чтобы они присягнули шведскому герцогу и уплатили следуемые с них налоги. Конца документа недостаёт. Редактор 3-го тома ААЭ. датировал лист Мунка 1615 годом. Во 2-м томе «Архива П. М. Строева» тот же лист Мунка вместе с грамотой из Нижнего Новгорода на Вологду отнесён редакторами С. Ф. Платоновым и М. Г. Курдюмовым к 1612 г.; последние считают лист Мунка «переводом с немецкого письма»²⁹. К сожалению, ни редактор 3-го тома ААЭ., ни С. Ф. Платонов и М. Г. Курдюмов не приводят доводов в пользу своей датировки документа, а сделать это необходимо.

При чтении источника сразу же возникает сомнение в правильности его датировки редактором 3-го тома ААЭ. В конце документа читаем: «А как государь наш королевич придёт в Новгород», он пожалует...³⁰ Из этих слов необходимо заключить, что документ был написан ещё до приезда шведского герцога. Хорошо известно, что Карл Филипп прибыл в Выборг 9 июля 1613 г. и уехал обратно в Швецию 17 января 1614 года³¹. После отъезда герцога в Швецию ожидать его прибытия

---

²⁹ Лист Шведского дворянина Ганса Мука с товарищами к Максиму Васильевичу и ратным людям и жителям Заонежских и Општинских погостов, с увещанием, чтобы они дали присягу в верности шведскому королевичу. 1615? // ААЭ. СПб., 1836. Т. 3, № 76. С. 110–111; Список с письма Анца Мука с товарищами Максиму Васильевичу Лихареву. 1612 // Архив П. М. Строева. РИБ. Т. 35. Пг. 1917. № 149. Стб. 262–264.

³⁰ ААЭ. Т. 3. № 76. С. 111; РИБ. Т. 35. Стб. 264.

³¹ Приговор митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613, июля 27 // ДАИ. Т. 2, № 4. С. 5–8; Отписка Хутынского архимандрита Киприана с товарищами Новгородским митрополиту Исидору, воеводе князю Ивану Одоевскому и земским чинам об отъезде Шведского принца Карла Филиппа из Выборга в Стокгольм и об отпуске новгородских уполномоченных в Новгород. 1614, марта 7 // ДАИ. Т. 2, № 14. С. 34.

вновь в Новгород было бессмысленно. Отсюда следует вывод: лист Ганса Мунка необходимо отнести не к 1615 г., а к более раннему времени, ко времени до 1614 года.

Точнее установить дату документа позволяют справки об авторах увещательного письма: об Анце Мунке, о дворянине Богдане Лупандине, об Анце Брякилёве, о подьячем Федоте Витовтове и адресате – Максиме Васильевиче. Двое из упомянутых лиц носят нерусские имена. О Гансе Мунке сказано достаточно выше. Анца (Ганс) Брякилёв – это шведский переводчик, по-видимому, по происхождению из русских. В 1615 г. он выступает переводчиком при допросе архимандрита Киприана Мортенссоном в Новгороде³². Этим двух лиц можно оставить в стороне.

Более интересны дворянин Богдан Лупандин и подьячий Фёдор Витовтов. В наказе игумену Дионисию и его товарищам, отправленным в Москву между 6–10 августа 1613 г. Б. Лупандин называется наряду с другими «изменником»; он бежит вместе с другими из Новгорода³³. По-видимому, причиной бегства Б. Лупандина и др. из Новгорода послужило следующее обстоятельство. 27 июля 1613 г. новгородцы приговорили отправить посольство во главе с архимандритом Киприаном в Выборг к Карлу Филиппу³⁴. Б. Лупандин и его единомышленники выступили против этого, почему и должны были покинуть Новгород, оставя там жён и детей.

20 ноября 1613 г. новгородские помещики (числом 26) составляют поручную запись «по Богданове жене Лупандина по Федосье» и по жёнам других в том «...быти им, за нашими поруками, в Великом Новгороде, и без государева указу из Новагорода никуды не отъехати и не изменити, и живучи в Новгороде в мир никаких смутных речей никому не говорити и не вмещати»³⁵. С другой стороны, в Разрядной книге 124 года отмечается, что воевода «у Соли Камской (в Соликамске) Богдан

---

³² Киприан упрекал тогда Брякилева: «Забыл ты свою природу, где родился, да где твои родители, все в Кукуе лежат закопаны. И хлеб и соль московскую ты забыл... Да и потому тебя знать мочно, – говорил далее Киприан, обращаясь к Брякилеву, – что тебе хочетца опять любо на Руси быть, что ты ходишь в русском платье, прямишь – в правду ль или не в правду – королю, кто тебя знает; а будет и в правду, только устать тебе забывать русское добро, да и не забыти, много тебе о том плакать...». См.: РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1615 г. Д. 8.

³³ Наказ митрополита Исидора, кн. И. Н. Одоевского игумену Дионисию, В. Новокшенову, И. Лутохину, И. Секерину. 1613, август // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). СПб., 1819. Ч. 2, № 284. С. 601–603. Документ ошибочно датирован 1612 г.

³⁴ Приговор митрополита Исидора, кн. И. Н. Большого Одоевского, земских чинов. 1613, июля 27 // ДАИ. Т. 2, № 4. С. 5–8.

³⁵ Поручные записи по Новгородских помещиках и помещицах о неотъезде их из своих поместий за Новгородский рубеж. 1613, ноября 17 // ДАИ. Т. 2, № 9. С. 17–18.

Лупандин». Как видно из Разрядной книги, в сибирских городах сидели воеводами новгородские дворяне³⁶. Вполне допустимо, что воевода Соликамска Богдан Лупандин – тоже новгородец. Надо думать, что Б. Лупандин переменял ориентацию, бежал из Новгорода от шведов в Москву и был назначен царём воеводою в Соликамск. Но в 1611 г. Б. Лупандин действует рука об руку со шведами-оккупантами. Известно, что жители Новгорода Великого 25 июля 1611 г. так же были приведены к присяге одному из сыновей шведского короля Густаву Адольфу или Карлу Филиппу, как жители Москвы присягали Владиславу в конце августа 1610 г. Б. Лупандин, очевидно, вначале потянул к шведам.

Подьячий Фёдор Витовтов, кажется, ещё в октябре 1611 г. получил назначение в Старую Руссу, но уехал туда не сразу³⁷. В 1614–1615 гг. Ф. Витовтов продолжает служить подьячим в Старой Руссе, но он, как и Б. Лупандин, меняет ориентацию³⁸. Отправленный московскими послами в качестве лазутчика в Старую Руссу и в Новгород крестьянин Данилко Кондратьев Ржева по возвращению из путешествия «124 (1615) года октября в 12 день» сообщил, что он был в Старой Руссе два дня, «а вестей сказал: сказывал деи ему подьячей Фёдор Витовтов, что де ныне на него доводили Якову Пунтусову, что де, будучи в Старой Руссе, прямит государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичю всеа Руси, и Яков деи его из Старой Руссы имал з женою в Новгород, и он деи в Нове городе от Якова Пунтусова отделался». О службе Ф. Витовтова царю свидетельствует написанная им московским послам тайная записка о положении дел в лагере шведов под Псковом в 1615 г. и о других делах. В 1616 г. встречаем Ф. Витовтова, в Москве; Яков Боборыкин и Ф. Витовтов сообщают правительству данные об Орешке и других новгородских пригородах³⁹.

Приведённые биографические справки показывают, что в 1615 г. Мунк и его сотрудники, поименованные в листе, были раскиданы по

---

³⁶ Разрядная книга 124 года // Временник МОИДР. Кн. 2. М., 1849. Материалы. С. 76. См. также: Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1853. Т. 1. (1614–1627). Стб. 195–196; *Дмитриев А.* Пермская старина. Вып. 1. Пермь, 1880. С. 170–172.

³⁷ Известна отписка Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову от 29 сентября 1611 г. (на самом деле – 1612 г. – *Я. Р.*). См.: *Курдюмов М. Г.* Описание актов, хранящихся в архиве Археографической Комиссии // *Летопись занятий Археографической Комиссии (далее – ЛЗАК) за 1918 г.* Вып. 31. Пг., 1923. № 501. Ранее воеводой в Старой Руссе был Полуехт Колычев, а дьяком – Томила Сергеев. См.: Дело о пожаловании кн. И. Н. Одоевскому поместья в Старорусском уезде. Сентябрь 1611 г. // *ДАИ.* СПб., 1846. Т. 1, № 160. С. 278–280.

³⁸ Наказная память Я. Делагарди и кн. И. Н. Одоевского Л. Митославскому, подьячему И. Заденскому. 5 августа 1614 г. // *ДАИ.* Т. 2, № 18. С. 38–40.

³⁹ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1615 г. Д. 10; 1616 г. Д. 3.

отдалённым местам: сам Мунк, одно время болевший, находился в Карельском уезде, Брякилёв – в Новгороде, Богдан Лупандин в Соликамске, Ф. Витовтов в Старой Руссе. О совместных действиях упомянутых лиц в 1615 г. не может быть и речи. Значит, дата листа Ганса Мунка, поставленная редактором 3-го тома ААЭ., неправильна. Документ необходимо отнести ко времени до бегства Б. Лупандина из Новгорода, до августа 1613 года.

Обратимся к личности адресата. В листе Ганса Мунка он именуется «господином Максимом Васильевичем»; из грамоты видно, что он имеет «отчество», «дородство», словом, адресат бесспорно принадлежит к дворянам. Но какова же его фамилия? Думается, что «Максим Васильевич», к которому обращён лист Мунка, это Максим Васильевич Лихарев, посланный, как упоминалось выше, советом Ляпуновского ополчения воеводою в Сумский острог вместе с головою Елизарьем Беседного. М. В. Лихарев и Е. Д. Беседного прибыли в Сумский острог 15 августа 1611 г. Прислали Лихарева и Беседного из-под Москвы для того, чтобы «поморских волостей оберегати» от нападений шведов⁴⁰.

Как долго служил М. В. Лихарев воеводою в Сумском остроге? В приложенном к челобитной игумена Прилуцкого монастыря Кирилла с братиею следствии «122, октября в 19 день» (19 октября 1613 г. – Г. 3.) упоминается «Вологоцкой стрелецкая голова Максим Лихорев»⁴¹. Судя по наказной памяти десятнику Кузьме Борисову о наборе ратных людей с села Выпрягова Спасо-Прилуцкого от 7 января 1613 г., в январе 1613 г. М. В. Лихарев уже был в Вологде⁴². Царская грамота 14 июля 1614 г. о наборе ратных людей, направленная в Сумский острог, адресована воеводе Семёну Васильевичу Усову⁴³. Стало быть, М. В. Лихарев служил в Сумском остроге с 15 августа 1611 г. до января 1613 г.

Биографическая справка о Лихареве опять таки подтверждает скептическое отношение к дате листа Мунка, поставленной редактором 3 тома ААЭ. На основании справки о Лихареве лист Мунка необходимо

---

⁴⁰ Ср.: Архив П. М. Строева. Т. 2 // РИБ. Т. 35. № 149. Стб. 255, 262–264; ААЭ. Т. 2, № 193. С. 241–242. См. также: Лист сумского воеводы Лихарева к шведским воеводам Андрею Стиварту и Ерику о прекращении неприязненных действий с обеих сторон по случаю заключения мира между Россией и Швецией. 1611, сентября 7 // ААЭ. Т. 2, № 195. С. 244–245.

⁴¹ Челобитная игумена Прилуцкого монастыря Кирилла с братией о недозволении Троицкому Сергиеву монастырю строить мельницу на реке Вологде. 1613, до 19 октября // Архив П. М. Строева. Т. 2. РИБ. Т. 35, № 168. Стб. 286–288.

⁴² Наказная память десятнику Кузьме Борисову о наборе ратных людей с села Выпрягова Спасо-Прилуцкого монастыря. 1613, января 7 // Архив П. М. Строева. Т. 2. РИБ. Т. 35, № 152. Стб. 266.

⁴³ Царская грамота в Сумский острог о наборе ратных людей. 1614, июля 14 // ААЭ. Т. 3, № 38. С. 70–71.

отнести скорее к 1612 г. Этот вывод близок к мнению С. Ф. Платонова и М. Г. Курдюмова, но я не вижу оснований считать лист Мунка переводом с немецкого языка; это «снимок с немецкого листа», т. е. список, копия со шведского листа (а не перевод), написанного по-русски⁴⁴.

С установлением более правильной даты источника и личности адресата облегчается, естественно, интерпретация документа. Можно пояснить, каким путём узнали Ганс Мунк с товарищами о М. В. Лихареве. Дело в следующем. Спустя пять дней после своего прибытия в Сумский острог, 20 августа 1611 г. Лихарев и Беседнаго отправили «с сумлянином с Нежданком Конюховым и с товарищем его» грамоты «в Карибор, и в Палдомской да Волуй и ко всей... Свийской земли», но наместников по имени не назвали. Это было необычно. Воеводы поэтому прибавляли в конце грамоты: «а о том на нас не подивите, что мы ваших воеводских имян здесь не ведаем; а как вы к нам отпишете и ведомых себя учините, и мы к вам учнём имянно писать»⁴⁵. Вероятно, одна из грамот попала в руки Ганса Мунка.

Шведский военачальник с товарищами дал ответ сумским воеводам, но этот первый ответ остаётся неизвестным. Имеющийся в наших руках документ представляет уже вторую грамоту Мунка. Из этой (второй) грамоты узнаём, что Ганс Мунк в первом своём листе писал, чтобы сумский воевода, «не пролив крестьянской крови», шведскому королевичу, признанному Новгородом царём, «крест целовал и всяких людей на то уговаривал». Воевода Лихарев, однако, на первую грамоту Мунка не отвечал. Ганс Мунк пишет вторично М. В. Лихареву⁴⁶.

Познакомимся с содержанием листа. Лист обращён к лицам военного чина и к простым жителям. Мунк с товарищами убеждает сумского воеводу, «не пролив крестьянские крови», целовать крест шведскому королевичу «и крестьян и всяких людей на то уговаривати». Имя королевича в листе Мунка не названо, и это понятно: по договору 25 июля 1611 г. новгородцы признали царём одного из двух сыновей Карла IX, Густава Адольфа или Карла Филиппа⁴⁷. Отмеченная деталь, к слову сказать, позволяет ещё более уточнить время написания документа, отнести его ко времени до апреля 1612 г.; в апрельских грамотах новгородцы убеждают присягать Карлу Филиппу (см. ниже. – Г. 3.).

---

⁴⁴ Архив П. М. Строева. РИБ. Т. 35. Пг., 1917. № 149. Стб. 262–264.

⁴⁵ ААЭ. Т. 2, № 193. С. 242.

⁴⁶ Лист Шведского дворянина Ганса Мука // ААЭ. Т. 3, № 76. С. 110; Архив П. М. Строева. РИБ. Т. 35, № 149. Стб. 262.

⁴⁷ Договор Новгородского государства с шведским военачальником Делагарди. 1611 г. / пер. с нем. М. Ф. Ласковской // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 1. С. 3–11.

Дальше следует увещание к крестьянам Заонежских и Оштинских погостов. Пусть крестьяне прекратят кровопролитие, отстанут от воров! «Изберите себе лутче все православные крестьяне, – пишут Мунк с товарищами, – то ли вам лутчи, что вам государю нашему королевичу крест поцеловав и заплатити государевы денежные доходы и жити в покои и в тишине без войны; или то вам лутче, что дома ваши в конечном разореньи будут, жёны ваши и дети будут в полон поиманы, а иные побиты». На что крестьяне надеются, оказывая сопротивление? «Только у вас надёжи и обороны, и земли под вами, на чём вы острог поставили у себя», – замечают Мунк и его спутники (острог – это, очевидно, Сумский острог. – Г. З.). Увещания сменяются прямыми угрозами. Если жители Заонежских и Оштинских погостов «тотчас» не договорятся с Мунком, в таком случае против них будут посланы ожидающиеся в скором времени «из Великого Новагорода ратные Немецкие многие люди», кроме того, сам Мунк с товарищами, оставив жителей «в острошки», пойдут воевать, жечь дома, побивать и брать в плен жён и детей; наконец, «придут со стороны Немецкие люди». Кто здесь разумеется, сказать трудно. В последующих строках угроза принимает более осязательные формы. «Мы, – заявляют Мунк и его товарищи, – выевовав Заонежские погосты и Оштинские, пойдём к Белоозеру и к Каргополю... и прошодчи те города, Белоозеро и Каргополь, пойдём в Поморские города; сослався от Кольского острогу Свисского государя... з города, пойдём назад войной же»⁴⁸. Где же крестьяне могут тогда укрыться?

В конце листа снова обращаются к воеводе. «И как к вам ся грамота придет, и ты б, Максим Васильевич, положил то на своем разуме: за какую ты правду стал, и по чьему указу хочешь ты один стояти против Ноугородского господарства и Свиския земли, собрався с такими людьми, которые не хотят прирожденным государем служити, и воровати, и государеву землю запустошити, и православных христиан всех до конца разорити?»⁴⁹ М. В. Лихарева обвиняют в том, что он один восстал против Новгорода и Швеции, связался с людьми, которые не желают служить «прирожденным государем» (каким был шведский королевич). Из двух известных нам грамот Лихарева и Беседнаго 1611 г. видно, что сумские воеводы стремились в первую очередь удержать шведов от военных действий⁵⁰, но, как увидим ниже, они имели связи с Заонежскими ратными людьми, выступившими против шведов.

---

⁴⁸ ААЭ. Т. 3, № 76. С. 111; Архив П. М. Строева. РИБ. Т. 35, № 149. Стб. 263–264.

⁴⁹ ААЭ. Т. 3, № 76. С. 111; Архив П. М. Строева. РИБ. Т. 35, № 149. Стб. 264.

⁵⁰ ААЭ. Т. 2, № 193. С. 241–242; № 195. С. 244–245.

В заключительных строках листа Мунк с товарищами обещают пожаловать Максима Васильевича «за службу», как только королевич прибудет в Новгород⁵¹.

Произведённый выше анализ источников на русском языке позволяет утверждать, что операции Ганса Мунка действительно нашли отражение в русских источниках. Мало этого. Следует подчеркнуть, что источники на русском языке дают более конкретное представление о формальных основаниях посылки Мунка из Новгорода в Заонежскую половину Обонежской пятины, о месте операций Мунка (близ Сумского острога), наконец, о лисьих приёмах, обычно применяемых шведскими военачальниками того времени с целью овладения каким-либо русским городом.

В данный момент нам особенно важно констатировать, что зимой 1611–1612 г. Ганс Мунк со своим отрядом пытался овладеть Сумским острогом⁵².

Ганс Мунк – не первый из шведских военачальников пытается овладеть названным острогом. Король Карл IX инструкцией 30 января 1611 г. из Эребро предписывал Андерсу Стюарту (шотландцу, перешедшему на службу к шведам) и Кнуту Хокансону захватить либо Сумский острог, либо Соловки. Во исполнение королевского приказа части А. Стюарта собрались 26 марта 1611 г. в Каянеборге, всего там было до 1300 кнехтов и 80 рейтаров. Однако, предприятие не увенчалось успехом. Отряд не мог преодолеть трудностей зимнего пути: снежный покров в том году был в рост лошади. А. Стюарт вернулся с войском обратно. В июне 1611 г. он попытался овладеть Сумским острогом ди-

---

⁵¹ По словам В. Лилеева, «в обращении Анцы Мука намечена, так сказать, программа действия, программа-максимум». См.: Лилеев В. Шведская интервенция XVII в. // Исторический журнал, 1940. № 1. С. 102. Сколько известно, рядовому офицерскому составу не поручают назначать программы-максимум; это – дело верховного командования. Затем, военные планы не раскрывают перед противником в деталях (как это делает Мунк с товарищами). Наконец, грандиозные планы Густава II Адольфа в отношении России изложены в королевской инструкции 18 июня 1613 г. комиссарам, назначенным для переговоров с русскими в Выборге. Несмотря на то, что инструкция короля полностью переведена на русский язык (Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Сб. Т. XIV. Отд. 3. С. 4–18), несмотря на то, что содержание инструкции подробно изложено Г. В. Форстенем в статье (*Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Кн. X. С. 188–190), из которой В. Лилеев почерпнул немало, В. Лилеев об инструкции почему-то не вспоминает и ошибочно принимает простую угрозу Мунка за программу-максимум.

⁵² Нельзя признать правильным вывод Н. П. Лыжина из листа Мунка. Н. П. Лыжин пишет: «Следовательно, шведы думали начать войну на севере, но не привели в исполнение своего намерения, кроме других препятствий опасаясь встретить сопротивление в жителях». См.: Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. СПб., 1857. С. 7.

пломатическим путём. Игумену Соловецкого монастыря Антонию посылается лист с требованием уступить шведам без кровопролития земли «по старому рубежу по Дубу и Золотцу». Что это за рубеж, позволяет судить название «Золотец», это – водопад Золотец, на порожиистой реке Выг, недалеко от поселений Шижки и Сороки (ныне Беломорск. – Г. З.) близ Сумского острога. (Сорока, как известно, представляет северный конечный пункт Беломорско-Балтийского канала. – Г. З.) Об ответе из Соловецкого монастыря сведений нет, но, судя по данным последующего времени, вторая попытка Стюарта окончилась также неудачей⁵³.

Приведённые факты заставляют признать, что в 1611 г. шведы пытаются овладеть Сумским острогом и с запада (из г. Каянеборга) и с юга (из Обонежской пятины), применяя хитрость и силу. Настойчивость шведов наводит на мысль, что Сумский острог был шведам крайне нужен. Он имел немалое стратегическое значение. Ещё в XVI в. Соловецкий монастырь, которому принадлежал Сумский острог, устроил острог в Сумской волости «монастырскою казною и крестьяны» и содержал в остроге гарнизон из 200 монастырских людей⁵⁴. В 1611 г. совет Ляпуновского ополчения направил в Сумский острог воеводу М. В. Лихарева и голову Е. Д. Беседного. В мае 1613 г. наместник в Улеборге и Каянеборге Эрик Харе (Erik Hare) обращается с «листом» к «Сумского города державцом» по вопросу о мире с русскими на севере⁵⁵. И меры Совета Ляпуновского ополчения и действия Мунка и Харе приводят к мысли, что в начале XVII в. Сумский острог стал заметным центром в Поморье.

В царской грамоте Двинскому воеводе А. В. Хилкову от 15 февраля 1640 г. указывается и обычный путь врагов: «а Соловецкой де монастырь и Сумской острог место украинное и порубежное от Немецкия украины... Каянские воинские немцы приходят в мелких судах войною Кемью рекою под Сумской острог в девятой день»⁵⁶. В 1611 г. шведы

---

⁵³ Лист из Швеции к игумену Соловецкого монастыря о восстановлении прежнего рубежа между русскими и шведскими владениями. 1611 // ААЭ. Т. 2, № 196. С. 345; Generalstaben. Sveriges krig 1611–1632. Bd. 1. См. также нашу работу: *Замятин Г. А.* Походы шведов в Поморье // Ученые записки Молотовского гос. пединститута. Молотов, 1941. Вып. 8. С. 47–77.

⁵⁴ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 7. Ср.: *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927. С. 57.

⁵⁵ Лист правителя Каянии Эрика Харе к начальствующим в Сумском городке об удержании порубежных жителей обеих сторон от взаимных насилий. 1613, мая 30 // ААЭ. Т. 3, № 6. С. 9.

⁵⁶ Царская грамота Двинскому воеводе Князю Хилкову о невзимании с Соловецкого монастыря в продолжение пяти лет поштин с соли, вывозимой на Вологду. 1620, февраля 15 // ААЭ. Т. 3, № 110. С. 152.

пытались овладеть не только Сумским острогом, но и Соловками и более близкой к Швеции Колою. Овладение названными тремя пунктами привело бы к утверждению власти шведов на всём Кольском полуострове. Операции Мунка в отношении Сумского острога представляются, таким образом, частью операций шведов более широкого масштаба.

К сожалению, найти ответ сумских воевод, Лихарева и Беседнаго, на второй лист Ганса Мунка, или, по крайней мере, напасть на след ответа не удаётся.

За отсутствием источников трудно сказать определённо и о том, как далеко заходил Мунк со своим отрядом, собирая деньги в Заонежской половине Обонежской пятины. Заявление, сделанное в листе: «а мы, прося у Бога милости, пришли с вами перевидеться ближе того», даёт повод думать, что Мунк с отрядом был уже не так далеко от Сумского острога; шведы надеялись на личную встречу с воеводою Лихаревым.

С уверенностью можно утверждать лишь то, что экспедиция Мунка к Сумскому острогу не увенчалась успехом: ни в одном из известных мне источников XVII в. на русском и шведском языках не говорится о захвате Сумского острога шведами.

Остаётся поставить вопрос: дошли ли вести об операциях Ганса Мунка в Заонежской половине Обонежской пятины, в частности, под Сумским острогом, до подмосковных властей? Отметим, что «снимок» (копия) с листа Ганса Мунка был извлечён П. М. Строевым из архива Кирилло-Белозёрского монастыря. Это наводит на предположение, что М. В. Лихарев и Е. Беседнаго, получив лист Мунка, постарались поставить в известность о нём другие города, а, может быть, и подмосковное правительство. Так как Белозерск и Кирилло-Белозёрский монастырь рано установили связи с ополчением Минина и Пожарского, то позволительно думать, что совет 2-го ополчения также узнал о действиях Мунка в Заонежской пятине по прибытии ополчения в конце марта 1612 г. в Ярославль⁵⁷. Вполне допустимо и другое предположение, что воевода Белоозера С. Н. Чепчугов сообщил ярославскому совету об отправлении Заонежских ратных людей на Ошту. Думается, что и сам М. В. Лихарев не порывал сношений со 2-м ополчением: перемещение М. В. Лихарева в 1612 г. из Сумского острога в Вологду, надо думать, произошло по приказу Ярославского совета.

---

⁵⁷ Грамота от кн. Д. Пожарского на Белоозеро к воеводе и дьяку по челобитью белоозерцов о том, чтобы они не давали денег и кормов сборщикам с Устюжны, а присылали деньги в Ярославль. 1612, июня 16 // Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. / собрал С. Б. Веселовский: Смутное время Московского государства. Вып. 5. М., 1911. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 72. С. 85. См. также: Там же. № 70. С. 84; № 71. С. 84–85 (Грамоты кн. Д. Пожарского на Белоозеро).

Во второй половине апреля 1612 г. Мунк с отрядом возвращается в Новгород. Надо думать, с Мунком прибыли Б. Лупандин и другие. Но Мунку не пришлось отдыхать; Я. Делагарди дал Мунку новое поручение: собрать денежные доходы с Заонежских погостов и с Водлозерской волости на 119 и 120 (1611 и 1612 годы). Из русских с Мунком отправляются теперь Вас[илий] Фёдорович Неплюев и Вас[илий] Ив[анович] Змеев⁵⁸. Биографические данные об этих лицах скудны. О В. Ф. Неплюеве известно, что в январе 1612 г. (а может быть, и в конце 1611 г.) он был послан вместе с Ив[аном] Андр[еевичем] Выповским и Ив[аном] Качаловым в Залесскую и Зарусскую половины Шелонской пятины для сбора кормов для шведского войска на стан в Югостицы⁵⁹. В 1618 г. Неплюев и Змеев служат воеводами в Ладог⁶⁰.

Перехожу к рассмотрению операций Ганса Мунка летом 1612 г.

Глава II

Познакомимся вкратце с обстановкой, которая сложилась к этому времени в Московском государстве. Известно, что 2 марта 1612 г., казаки, находившиеся под Москвой под начальством Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого, присягнули Псковскому самозванцу. «Так неожиданно и сильно возросло дело псковского Димитрия»⁶¹. По этому поводу власти Троицко-Сергиева монастыря отправили в апреле 1612 г. послание Д. М. Пожарскому с увещанием поспешить походом к Москве для избавления отечества от неприятелей⁶². Д. М. Пожарский со своими сторонниками ещё в бытность в Нижнем Новгороде утвердились на том, «что Маринки и сына ея и того вора, которой стоит под Псковым, до смерти своей в Государи на Московское государство не хотим, так-

---

⁵⁸ Отписка Каргопольцев начальникам Шведских и Русских военных отрядов о запрещении Новгородским сборщикам собирать подати в Каргопольских волостях. 1612, июня 22 // ДАИ. Т. 1, № 163. С. 285–286.

⁵⁹ Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической Комиссии // ЛЗАК за 1918 г. Вып. 31. Пг., 1923. № 525, 526.

⁶⁰ Царская грамота в Ладугу воеводам Василию Федоровичу Неплюеву и Василию Ивановичу Змееву о пожаловании опустевшего Васильевского монастыря и его вочичны братьи Валаамского монастыря. 1618, июля 11 // Архив П. М. Строева. Т. 2. РИБ. Т. 35, № 282. Стб. 456–457.

⁶¹ Цит. по: Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Изд. 6. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. СПб., 1903. С. 589.

⁶² Послание архимандрита Троицкого Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия к князю Пожарскому и всем ратным людям. 1612, апрель // ААЭ. Т. 2, № 202. С. 252.

же, что и Литовского короля»⁶³. Узнав о присяге казаков под Москвой псковскому самозванцу, Пожарский с товарищами вопреки совету троичских властей, «под Москву не пошли», а разослали из Ярославля «по городом воевод с ратными людьми: в Володимер, в Суждаль, в Переяславль, в Ростов, на Устюжну Железнопольскую, в Кашин, на Угличь, во Тферь, ко Троице в Сергиев монастырь, в Касимов и в иные городы»⁶⁴. О решении Пожарского стало известно даже Я. Делагарди в Новгороде⁶⁵.

Я. Делагарди, утвердившийся в Новгороде, также не остался безучастным зрителем событий, происходивших в казацком лагере. Усиление псковского вора, безусловно, было не в интересах Швеции. В начале 1612 г. на восточном фронте (к востоку от Новгорода) сложилась благоприятная для шведов обстановка. Эверту Горну, находившемуся с кавалерией у Wollock (может быть Вышний Волочек?), удалось 18 марта 1612 г. разбить наголову казацкий отряд Алексея Михайловича, служивший полякам. В бою казаки потеряли 800 человек убитыми и ранеными и 16 знамен. Благодаря этой победе, набеги казаков, действовавших рука об руку с поляками, на Новгородский уезд на время прекратились. Ушли из Новгородского уезда также отряды казаков Наливайко и Ширяя⁶⁶. Я. Делагарди, сообщая о победе Э. Горна в письме к А. Оксенштерне 10 апреля 1612 г. (сражение, по словам Я. Делагарди, произошло «три недели тому назад» (för 3 veckor sedan), добавлял, что Михайлович ушёл к Ходкевичу, находившемуся в Волокаламске (Woloda Lamscho) в 18 милях от Москвы, а большая часть войска Сапег (умершего осенью 1611 г.) удалась к польским границам; они давно не получали жалованья и теперь хотят ожидать на границах прибытия короля, чтобы потребовать от него уплаты денег⁶⁷. Видимо, о бое 18 марта писали новгородские власти в грамоте на Белоозеро; в грамоте ярославского совета привезённой в Новгород Степаном Татищевым, говорится: «где с воровскими и с литовскими людьми Новгородского

---

⁶³ Отписка нижегородцев к вологжанам // ААЭ. Т. 2, № 201. С. 250. Ср.: Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 236.

⁶⁴ Окружная грамота (в списке) военачальника Князя Дмитрия Михайловича Пожарского, от имени всех чинов, в Великороссийские города (в Путивль). 1612, июнь // СГГД. СПб., 1819. Ч. 2, № 281. С. 595.

⁶⁵ 22 апреля 1612 г. Я. Делагарди доносил королю об этих событиях. Донесение в библиотеке Тартусского университета. Текст письма см.: Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII в. С. 67.

⁶⁶ Generalstabens Sveriges krig 1611–1632. Bd. 1. Danska och Ryska krigen. Stockholm, 1936. S. 390. Что Горн с войском был в этих местах, об этом говорит и тот факт, что 25 февраля 1612 г. Горн разбил Наливайко у Боровичей.

⁶⁷ Переписка Оксенштерны. Rikskanslern A. Oxenstiernas Skrifter och brevväxling (AOSB). B. V. S. 4.

государства русским и неметцким людем бой был, про то на Белоозеро от вас писано ж»⁶⁸. Любопытно, что Э. Горн, нанёсший поражение казачьим отрядам, всё же не рискнул продвинуться дальше по направлению к Москве: г. Торжок, в котором сидел воеводой князь Мих[аил] Вас[ильевич] Белосельский, и Осташков, где сидел Кокорев, насколько известно, всё время оставались в руках Москвы.

Летом 1612 г. шведы направляют свои силы снова на борьбу с псковским самозванцем. На русской территории к западу от р. Волхова по поручению Делагарди действует с войском Эверт Горн. Однако Делагарди не упускает из поля зрения и местности к востоку от р. Волхова. Ещё весной из Новгорода посылается увещательная грамота воеводам Белоозера и игумену с братьёю Кириллова монастыря. Пишут из Новгорода Великому бояре, воеводы и всяких чинов люди и Я. Делагарди также в Каргополь⁶⁹. Сохранилось известие и о переписке Я. Делагарди с воеводами Устюжны Железнопольской. Чем определяется выбор городов, куда посылались грамоты из Новгорода, сказать трудно; всё же один момент хотелось бы отметить. Из грамоты Ярославского совета в Новгород 26 июля 1612 г. видно, что «в Ярославле, и на Белоозере, и в Каргополе, и на Устюжне» жили «дворяне и дети боярские и всякие люди Ноугородского государства», выехавшие из Новгорода, «в Ноугородское взятье», (иначе при захвате Новгорода шведами)⁷⁰. Не рассчитывали ли новгородские власти, посылая в 1612 г. грамоты, на поддержку бежавших из Новгорода лиц? Как бы там ни было, но новгородские власти всеми мерами стремятся привлечь жителей упомянутых городов на свою сторону, убеждают их не служить псковскому самозванцу. Необходимо ознакомиться с этими грамотами: они стоят в тесной связи с операциями Мунка.

Лучше всего известно нам содержание грамоты новгородских властей, отправленной на Белоозеро и в Кириллов монастырь в апреле 1612 г.: текст грамоты почти полностью повторен в грамоте Ярослав-

---

⁶⁸ Список с грамоты, какова прислана из Ярославля от бояр и воевод в Великий Новгород от стольника и воеводы от князя Дмитрия Михайловича Пожарского с товарищами от всей земли к боярину и воеводе к князю Ивану Никитичу большому Одоевскому и ко всяким людям новгородского государства. 1612, май // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК). Сборник. Т. 11. Нижний Новгород, 1912. № 144. С. 252.

⁶⁹ Отписка Каргопольцев начальникам Шведских и Русских военных отрядов о запрещении Новгородским сборщикам собирать подати в Каргопольских волостях. 1612, июня 22 // ДАИ. Т. 1, № 163. С. 285–286.

⁷⁰ Отписка воеводы князя Дмитрия Пожарского и Ярославской земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о намерении их жить в неразрывном союзе с новгородцами и о посылке в Новгород дворян Перфирия Секерина и Федора Шишкина. 1612, июля 26 // ДАИ. Т. 1, № 164. С. 289–290.

ского совета, привезённой в Новгород послами во главе со Степ[аном] Татищевым. Не вдаваясь в детали, отмечу в грамоте наиболее важное место. Новгородские власти убеждали всяких людей на Белоозере и в Кирилловом монастыре «также б радеть государьскому сыну (т. е. шведскому герцогу), а не к ворам, и быти бы им... (с новгородцами) в соединен(ь)е, чтоб они государьскому сыну были повинны, и стати бы руским и неметцим людем на полских и на литовских людей и на воров за одно». По словам новгородских властей, король Карл IX «на новгородское государства сына своего меньшово Карла Филиппа дал, и ныне он в дороге к Выборгу, а идет к Нову городу»⁷¹.

Воевода Белоозера (Степ[ан] Никифор[ович] Чепчугов) и игумен Кириллова монастыря (Матвей) поставили в известность о полученной ими грамоте из Новгорода Д. М. Пожарского и Ярославский совет. О связях Белоозера с нижегородским ополчением в это время говорит следующий факт: 14 апреля 1612 г. ярославские власти направили дьяком на Белоозере Богдана Ильина и велели ему быть на Белоозере вместе с С. Н. Чепчуговым «у земских у всяких дел». Б. Ильин приехал на Белоозере 1 мая 1612 года⁷². Отвечали ли белозёрцы и из Кириллова монастыря непосредственно новгородским властям? Это остаётся точно неизвестным; кажется, грамота новгородцев оставалась без ответа; белозёрцы передали дело на усмотрение ярославских властей. Известно, что по получении новгородской грамоты из Белоозера Ярославский совет стал готовить посольство в Новгород. В данный момент нас интересует, впрочем, не сношения Ярославского совета с Новгородом (о них см. ниже), а действия шведов в отношении Белоозера.

После захвата шведами Новгорода Великого в июле 1611 г., опасность нависла и над Белоозером. Известно, что в Белозерском уезде ещё с 1 сентября 1611 г. для охраны от литовских и от «немецких» людей (т. е. шведов. – Г. З.) и от русских воров были поставлены на 22 засеках кроме крестьян из ближайших волостей «ратные люди, и арханильские стрельцы и Аршиновой станицы козаки»⁷³.

---

⁷¹ Список с грамоты, какова прислана из Ярославля от бояр и воевод в Великий Новгород // Действия НГУАК. Сборник. Т. 11. Нижний Новгород, 1912. № 144. С. 251–252.

⁷² Грамота от кн. Д. Пожарского из Ярославля на Белоозере к воеводе о назначении к нему в товарищи дьяка Б. Ильина. 1612, апреля 14 // Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. / собрал С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 70. С. 84; Грамота от кн. Д. Пожарского на Белоозере к воеводе и дьяку... 1612, июня 16 // Там же. № 72. С. 85–87.

⁷³ Грамота от кн. Д. Пожарского из Ярославля на Белоозере // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. № 72. С. 86.

В сентябре 1611 г. опасность со стороны шведов для Белозёрска стала ещё ощутимее: под власть шведов перешёл Тихвин. Необходимо остановиться на этом событии.

Время падения Тихвина выясняется довольно хорошо. Эверт Горн в своем листе к псковичам, написанном 2 сентября 1611 г. в лагере под Псковом, сообщает, что вместе с жителями Новгорода признали шведского герцога царем Порхов, Старая Русса, Тихвин, Ладога, Нотебург (Орешек. – *Г. 3.*) и др. Возможно, что Э. Горн в данном случае поспешил объявить о присоединении Тихвина к Новгороду. Более важным представляется сообщение о «добровольном» присоединении Тихвина к Новгороду в донесении Я. Делагарди королю 3 октября 1611 года⁷⁴. На основании последнего сообщения можно думать, что Тихвин перешёл под власть шведов в сентябре 1611 г. А. Кронгольм даёт ещё более точное указание. По словам Кронгольма, жители Тихвина и Ладоги подтвердили клятвой и целованием креста 12 сентября свою преданность сыну шведского короля⁷⁵.

Упоминание о присяге жителей Тихвина встречаем и в одном источнике на русском языке. Жители Устюга Великого сообщали в Пермь: «В нынешнем во 120-м году», – писали им, устюжанам, из Вологды, – «что де в Великом Новгороде и в Новгородском уезде, Тифине и в Лучанех и в Белоозерском уезде, Свицкому королю крест целовали, и Немецкие люди, собрався, идут к ним на Вологду»⁷⁶. Из приведённого сообщения мы берем пока только одну деталь – известие о присяге в Тихвине шведскому герцогу (а не королю). Присяга – показатель подчинения Тихвина шведам. Стоит отметить, что редактор 2-го тома ААЭ датировал отписку устюжан в Пермь «1612 г.»⁷⁷. Но ведь 120-й год начался с 1 сентября 1611 г. Правильнее было бы отнести документ ко времени между сентябрем 1611 – августом 1612 г. При такой датировке отписки устюжан в Пермь русское известие о присяге в Тихвине шведскому герцогу вполне согласуется со шведскими данными о переходе

---

⁷⁴ Письмо Э. Горна к псковичам. 1611, сентября 2 // *Кордт В. А.* Из семейного архива графов Делагарди // *Ученые записки императорского Юрьевского университета.* Юрьев, 1894. Т. 2. С. 35. Донесение Я. Делагарди королю от 3 октября 1611 г. в библиотеке Тартусского университета.

⁷⁵ Cronholm A. *Sveriges historia under Gustaf II Adolphi regering.* I del. Stockholm, 1857. S. 232.

⁷⁶ Отписка Устюжан к Пермичам, о присылке ратных людей для защиты Вологды от Немцев. 1612 // ААЭ. Т. 2, № 200. С. 248. В Писцовых книгах Обонежской пятины упоминается погост Воскресенский в Лучанех. См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г. // *Материалы по истории народов СССР.* Вып. 1. Изд. АН СССР. Л., 1930.

⁷⁷ Отписка Устюжан к Пермичам // ААЭ. Т. 2, № 200. С. 247.

Тихвина под власть шведов в сентябре 1611 г. Заметим, что Тихвин освобожден из под власти шведов лишь в 1613 г.

Повторю: с падением Тихвина опасность для Белоозера со стороны шведов стала ещё ошутимее. Появление шведов ждали даже в Вологде. При таких условиях устройство засек в Белозёрском уезде представляется вполне понятной мерой обороны. Расположение засек в точности остаётся неизвестным. Есть основание думать, что засеки устраивались со стороны Новгорода. Свидетели по делу воеводы С. Н. Чепчугова на допросе в 1614 г. показывали: «(А) засеки, господине, засекали от Нова города... крестьяне Белоозёрским уездом и волостями, которые от Наугоротцкого уезда блиско, а ратные, господине, люди стояли от Наугоротцкого рубежа со всего Белоозерского уезда на засеках с сох»⁷⁸. В конце 1612 г. крестьяне Озадской волости «Первушка Фомин и Михалко Матфиев» устроили засеки: первый – «от большия от Надпорожския дороги Межиловским сороком, в Озадской волости» (вероятно близ оз Аватское. – Г. З.), второй – «на Ондозерской дороге». (вероятно, по дороге к оз. Андозеро. – Г.З.)⁷⁹. Кроме упомянутых засек была устроена ещё «Череповецкая (со стороны Череповца) для сбереганья от воровских людей»⁸⁰.

Насколько эти оборонительные меры белозерцев были эффективны, сказать трудно. Мне встретились известия о проникновении шведских агентов в местности около Белоозера еще во второй половине 1611 г. Из отписки Тихомира Загоскина Я. Делагарди и И. Н. Одоевскому 1611 г. (до 25 ноября) узнаём, что Т. Загоскин был послан в Черенский острог для сбора кормов с Белоозерской половины Бежецкой пятины ратным людям ротмистра Франстряка, узнаём и о том, что 12 погостов Белоозерской половины давали ротмистру Ирику Берсу⁸¹. В письме шведскому фельдмаршалу от 12 марта 1612 г. (к сожалению, место написания письма не указано. – Г. З.). Эверт Горн сообщает, что он разослал (людей) в 19 расположенных вокруг погостов для доставки провианта войску и для сбора денег. «Погосты, – прибавляет Э. Горн, – лежат против Белоозера и между Устюжною» (Die Pogosterne liggie in

---

⁷⁸ Обыск на Белоозере про кабацкое вино ... и про поступки воеводы С. Н. Чепчугова в смутное время. 1614, 29 января – 18 февраля // Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. / собрал С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 114. С. 146.

⁷⁹ Наказная память Белоозерского воеводы Григория Образцова об исправном содержании засек в Озадской волости для предосторожности от Литовских людей. 1612, декабря 12 // ААЭ. Т. 2, № 217. С. 277.

⁸⁰ ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 114. С. 152.

⁸¹ Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической Комиссии // ЛЗАК за 1918 г. Вып. 31. Пг., 1923. № 505.

tmodt Beloosor och emellan Ustissen)⁸². Таким образом, посылка шведских агентов в местности около Белоозера продолжалась и в 1612 году.

Позволительно думать, что шведские агенты не ограничивались одним сбором кормов. Возможно, что им (как Мунку) дано было поручение – привести жителей к присяге шведскому герцогу. Вероятно, в результате такого принуждения и случилось, что в 1611 г. «и в Белозерском уезде Свицкому королю крест целовали»⁸³. Меня интересует особенно отряд Мунка. Зимой 1611–1612 гг. Мунк действовал в Заонежье около Сумского острога.

Имеющиеся в моем распоряжении источники на русском языке позволяют определить, где находился Мунк в июне 1612 года. Из отписки «Анц Мука», Василия Неплюева и Василия Змеева в Новгород Я. Делгарди и И. Н. Одоевскому от 17 июня 1612 г., видно, что Мунк с товарищами послали 12 июня в Новгород (Оштинского? – Г. З.) «стану с Остречинского погоста с сыном боярским с Фёдором Ефимьевым (Елфимьевым? – Г. З.) да с целовальники Пудоского погоста с Офонею Левонтиевым да Шалского погоста с Богданом Третьяковым да Мегорсково погоста с Томилкою Фёдоровым на прошлой на 119 год Пудосково погоста данных денег двести двадцать три рубля двадцать шесть (алтын) четыре денги, Спасково Шалсково погоста недоборных денег двадцать девять рублей девять алтын с полденгою, да на нынешней, на 120 год Спаского же Шалского погоста данных денег девяносто девять рублёв девять алтын с полденгою, Мегорского погоста сто восемьдесят пять рублёв двадцать три алтына полшесты денги, да с Покровского Вытегорского погоста с целовальником с Васьюкою Нечаевым данных и оброчных денег и с Вытегры реки окупы и что вышло изо льготы сто пятьдесят восемь рублёв пять алтын полторы денги». В отписке сообщали, что еще раньше послали в Новгород «того же Вытегорского погоста данных и оброчных денег сто десять рублёв да с Юрьева монастыря вотчины Спасково Шалсково погоста таможенных денег и пошлин четыре рубля двадцать четыре алтына две денги, пошлин пять денег, да с Пудосково погоста таможенных денег и пошлин два рубли сем алтын две денги, да с Юрьева же монастыря доимочных денег на прошлый на 119 год два рубля одиннадцать алтын пять денег»⁸⁴.

С другой стороны, 22 июня 1612 г. старосты, целовальники и всякие жилецкие люди Водлозерской волости Каргопольского уезда уве-

---

⁸² Донесение Э. Горна в библиотеке Тартуского университета. См.: *Кордт В. А.* Указ. соч. С. 36.

⁸³ Отписка Устюжан к Пермичам // ААЭ. Т. 2, № 200. С. 248.

⁸⁴ Ленинградское отделение Института истории Академии Наук СССР (ЛОИИ). Опись Андреева № 2, № 552. За предоставление копии этой отписки приношу искреннюю благодарность В. Г. Гейману.

домили воеводу г. Каргополя, что в названной волости «новгородские дети боярские» собирают денежные доходы на 119 (1611) и на 120 (1612) годы. Известно, что для сбора денег в Водлозерской волости был командирован из Новгорода Ганс Мунк; с ним были Вас[илий] Неплюев и Вас[илий] Змеев⁸⁵. Стоит взглянуть на карту Обонежской пятины XV–XVI вв., чтобы убедиться, что в июне 1612 г. Ганс Мунк с отрядом собирал деньги в части Обонежской пятины к востоку от Онежского озера. Перечень погостов в отписке 17 июня позволяет наметить и путь Ганса Мунка из Новгорода в Водлозерскую волость: Мунк, видимо, обогнул Онежское озеро с юга-востока.

Любопытно, что в одном из источников на русском языке этого времени (июнь 1612 г.) встречается упоминание о приближении шведов к Белозерским засекам, это – грамота Д. М. Пожарского на Белоозеро от 16 июня 1612 г. В грамоте излагаются жалобы белозерцев на трудности, встретившиеся им при постройке нового острога. По рассказу жителей, прежде «город Белоозеро делали всем Белозерским уездом всякими людьми и Чаронскую округою, и Пошехонским уездом, и Каргопольским посадом и уездом и Обонежскою пятиною всеми погосты... А в нынешнем деи во 120-м году, как неметцкие люди к ним приходили к Белозерским засекам... с Чаронские округи всево дали 30 человек, и те без вогненово бою, а служили де с ними с ратными людьми всево месяц, да и збежали»⁸⁶.

Отвергать приведённое известие о приближении шведов к Белозерским засекам нет оснований. Возникает предположение: не Мунк ли с отрядом подходил к Белозерским засекам, направляясь из Новгорода к Вытегре, Пудожу и дальше в Водлозерскую волость? Из подробно анализируемого выше листа Ганса Мунка с товарищами сумскому воеводе М. В. Лихареву мы видели, что Мунк заявлял зимой 1611–1612 г. о намерении двинуться с отрядом к Белоозеру и Каргополю⁸⁷, Выполнил ли Мунк своё намерение до возвращения в Новгород в апреле 1612 г., сказать трудно. Белозерцы сообщали в Ярославль, что шведы подходили к засекам «в нынешнем деи во 120-м году» (см. выше). То обстоятельство, что это сообщение повторяется в грамоте Д. М. Пожарского на Белоозеро от 16 июня 1612 г., а в грамоте Д. М. Пожарского на Белоозеро

---

⁸⁵ Грамота Новгородского государства бояр и воевод Якова Делагарди и князя Ивана Одоевского каргопольцам относительно сбора податей в Водлозерской волости. 1612, после 22 июня // Действия НГУАК. Сборник. Т. 6. Нижний Новгород, 1913. № 121. С. 204–206. См. также: Сб. князя Хилкова. СПб., 1879. № 48. С. 130–134.

⁸⁶ Грамота от кн. Д. Пожарского на Белоозеро к воеводе и дьяку... 1612, июня 16 // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 72. С. 86.

⁸⁷ Список с письма Анца Мука с товарищами Максиму Васильевичу Лихареву. 1612 // Архив П. М. Строева. РИБ. Т. 35. Пг. 1917. № 149. Стб. 262–264.

5 мая того же года о приходе шведов нет ни слова, заставляет предположить, что шведский отряд подходил к Белозёрским засекам, по-видимому, в мае 1612 года. Это как будто подтверждает мысль, что к засекам подходил отряд Мунка, действовавший в эти месяцы в местности к востоку от Онежского озера.

Сводя сказанное воедино, позволяю высказать следующее предположение: так как грамота, отправленная из Новгорода на Белоозеро ещё в апреле 1612 г. с увещанием присягнуть шведскому королевичу и соединиться с Новгородом в борьбе против поляков, осталась без ответа, Гансу Мунку в бытность его в Новгороде (в конце апреля 1612 г.) дано было задание на пути в Водлозерскую волость овладеть Белоозером силой. В мае месяце Мунк с отрядом приблизились к Белозёрским засекам.

Детали операций Мунка у Белоозера остаются неясными. Несомненно, что белозерцы и ярославские власти подготовились к отпору: устроены были засеки, расставлены были караулы, в мае 1612 г. по приказу из Ярославля продолжали строить на Белоозере новый город (см. ниже). Это, видимо, помешало Гансу Мунку осуществить планы Делаярди в отношении Белоозера.

Чем привлекал шведов Белозерск? По словам С. Ф. Платонова, «место, на котором стоял город Белозерский и смежные с ним монастыри, и между ними главнейший Кириллов, – было замечательно как волок». Отсюда начинается Поморье. К Белоозеру «сошлись воды Волжского, Двинского и Онежского бассейнов; недалеко было и озеро Онежское. На таком месте не могло не быть торга»⁸⁸. Мне представляется, что Белозерск приобрёл в годы польско-шведской интервенции начала XVII в. и стратегическое значение.

Очевидно, принимая во внимание оборонное значение Белоозера для ряда соседних местностей, Д. М. Пожарский и ярославские власти в 1612 г. настойчиво осуществляли там мероприятия по постройке нового города (см. ниже).

Стоит подчеркнуть, что шведские отряды и в последующее время располагались невдалеке от Белоозера. В декабре 1612 г. ратный воевода Белоозера, Григорий Образцов, сообщал в Москву Д. Т. Трубецкому и Д. М. Пожарскому: «ноября в... день сказывали мне Белозерского уезда Нучския волости крестьяне, что будет в Новгородской уезд на Ошту Анц Мук с Немецкими людьми, неведомо для чего, а им де сказывали Новгородского уезда крестьяне; а Ошта, господа, от Белозерского уезда верст за пятьдесят; а иные, господа, Немецкие ж люди от Белозерского

---

⁸⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 25.

ж уезда верст за сорок, в Новгородском уезде, в Черенске, и острог поставили»⁸⁹. Сообщение, что Ганс Мунк прибудет на Ошту, следует признать слухами: мы знаем, что в августе 1612 г. Делагарди назначил Мунка ротмистром на о. Эзель (см. выше), но другое сообщение о том, что «иные» шведские отряды (не Мунка) стоят в Черенске, подтверждается грамотой Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского в Новгород 15 ноября 1612 года⁹⁰.

Отчётливее вырисовываются из русских источников операции Ганса Мунка 1612 г. под Каргополем. В 120 (1612) году в Каргополе была получена грамота из Великого Новгорода. «Бояре и воеводы и всякие люди, да королевского величества боярин и ратной воевода Яков Пунтусович Делегард» писали каргопольцам «о добром совете», чтобы между каргопольцами и новгородцами «розни не было, и кровь бы крестьянская унялась, и стояти бы... вместе на общих врагов на Полских и на Литовских людей». Так передавали позднее содержание новгородской грамоты воеводы Каргополя⁹¹. Не представляется возможности дополнить чем-либо сообщения каргопольских воевод по той причине, что новгородская грамота в Каргополь не найдена, а, может быть, и не сохранилась. При сравнении грамоты из Новгорода в Каргополь с грамотой новгородцев на Белоозеро (см. выше – Г. З.) убеждаешься, что предложения новгородцев в обеих грамотах одинаковы: быть в союзе, вместе стоять против поляков; в передаче новгородской грамоты каргопольскими властями, почему то опущено лишь увещание новгородцев радеть шведскому королевичу.

Неизвестны месяц и день получения новгородской грамоты в Каргополе, но мне кажется, что грамоты из Новгорода на Белоозеро и в Каргополь – почти одинакового содержания – нельзя разделять по времени: грамоты, вероятно, пошли в названные города примерно в одно время, в апреле или в начале мая 1612 г., после того, как стало известно о присяге казаков под Москвою псковскому самозванцу.

Почти одновременно с грамотами Я. Делагарди и И. Н. Одоевского отправили Ганса Мунка, Василия Фёдоровича Неплюева и Василия Ивановича Змеева для сбора денежных доходов «на 119 (1611) и на 120

---

⁸⁹ Отписка Белозерского воеводы Григория Образцова к воеводам князю Трубецкому и князю Пожарскому с товарищами в Москву о вестях про Немецких людей и о малом числе войск в Белоозере. 1612, декабрь // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 218. С. 278.

⁹⁰ Отписка воевод князей Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского и государственной земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о поражении гетмана Ходкевича, об очищении Китая и Кремля города от поляков и созвании в Москву выборных земских чинов, для избрания государя. 1612, ноября 15 // ДАИ. Т. I, № 166. С. 291–294.

⁹¹ Отписка Каргопольцев начальникам Шведских и Русских военных отрядов о заперении Новгородским сборщикам собирать подати в Каргопольских волостях. 1612, июня 22 // ДАИ. Т. I, № 163. С. 285.

(1612) год» в Заонежских погостах и в Водлозёрской волости. По-видимому, на пути к Водлоозеру Ганс Мунк с товарищами написали от себя грамоту в Каргополь «о том же о добром деле и о совете», о чём говорилось в новгородской грамоте воеводам названного города; это было сделано также по предписанию новгородских властей⁹².

Ганс Мунк с товарищами обещались «войною на Каргопольские места не приходить и задоров никоторых не чинити», предлагали не делать этого и каргопольцам, «покаместа на Владимировское и на Московское и на Новгородское государства крестьянского государя Бог даст» (в грамоте Я. Делагарди и И. Н. Одоевского в Каргополь встречаем иной вариант: «покаместа королевич Карло Филип Карлович в Новгород будет»). К сожалению, лист Мунка в Каргополь до нас не дошел; содержание листа передано кратко с одной стороны в отписке каргопольских властей Мунку с товарищами, с другой – в грамоте Я. Делагарди и кн. И. Н. Одоевского в Каргополь.

Как реагируют воеводы Каргополя на письменное предложение новгородских властей и Ганса Мунка с товарищами?

Воеводы написали о предложении новгородских властей «Московского государства к боярам и воеводам, и к столнику и воеводе ко князь Дмитрею Михайловичу Пожарскому». Подобный образ действий каргопольских властей даёт основание думать, что в Каргополе признавали власть ярославского совета. Но в противоположность белозёрцам каргопольские воеводы вступили в непосредственные сношения и с Мунком: написали одновременно и в Новгород, и к Гансу Мунку со своими «посылщики с Степаном Уткиным да с Сергеем Дорофеевым» о «совете» и о том, чтобы стоять вместе против поляков. С. Уткин и С. Дорофеев доставили ответ каргопольских воевод Мунку, куда, – неизвестно. Последний отпустил С. Уткина обратно в Каргополь, а С. Дорофеева направил с отпискою воевод Каргополя в Новгород. По возвращении С. Уткина домой каргопольские власти вновь запросили бояр и Пожарского в Ярославле, «из которых чинов, каких людей на договор... (со шведами) укажут послать и укрепиться крестным целованьем»; о своём запросе в Ярославль они сообщили со «стрельцом с Михалком Куликовым» и Мунку «июня в 15 день»⁹³. Указанная дата позволяет сделать заключение, что сношения каргопольских воевод с Мунком происходили не позднее первой половины июня 1612 г.

---

⁹² Отписка Каргопольцев... 1612, июня 22 // ДАИ. Т. 1, № 163. С. 285; Грамота Новгородского государства бояр и воевод Якова Делагарди и князя Ивана Одоевского каргопольцам... 1612, после 22 июня // Действия НГУАК. Сборник. Т. 6. Нижний Новгород, 1913. № 121. С. 204–206.

⁹³ Отписка Каргопольцев... 1612, июня 22 // ДАИ. Т. 1, № 163. С. 285–286.

Впрочем, скоро ситуация резко изменилась. 22 июня в Каргополь пришла отписка старост, целовальников и всяких жилацких людей Водлозерской волости Каргопольского уезда. Старосты уведомляли, что в указанной волости новгородские дети боярские собирают денежные доходы, дань и оброк на 119 и 120 (1611 и 1612) гг. «с обжи на год по 10 рублёв». По получении таких известий каргопольские власти отдали приказ доставить сборщиков доходов («праветчиков». – Г. З.) в Каргополь, чтобы проверить, по чьему приказу так делается. Они снова написали и Мунку со стрельцом Андрейкою Ивановым. В Каргополе рассматривали сбор новгородцами денежных доходов в Водлозерской волости как действия, противоречащие обещанию шведов «войною не приходити и задоров и розни некоторые не чинити», пока на Руси не будет царя. «Мы против вас стояти ради, сколько милосердый Бог помощи подаст», заявляли без обиняков каргопольские воеводы Мунку, «и которая кровь крестьянская вашим задором прольется, и тое крови взыщет Бог на вас». Предполагая, видимо, простое недоразумение, которое может быстро разрешиться, воеводы ничего не сообщили о сборе денег новгородцами в Водлозерской волости боярам и Д. М. Пожарскому в Ярославль: они заявляли, что не хотят вносить «розни меж Московским и Новгородским государством», они решили ждать ответа от Мунка⁹⁴. Ганс Мунк с товарищами переслали протест воевод Каргополя в Новгород.

Шведский фельдмаршал и воевода И. Н. Одоевский не замедлили дать ответ. Они решительно оспаривали, что Водлозерская волость принадлежит к Каргопольскому уезду и доказывали своё право собирать с волости денежные доходы. К доходам новгородских властей не лишнее присмотреться внимательнее.

Во-первых, новгородские власти утверждали, что «по писцовым книгам Андрея Лихачева да подьячего Ляпуна Добрынина 71 году (1568) и после Ондреева и Добрынина письма по Ондрееву писму Плещееву 91 году (1583)» Водлозерская волость «написана в Новгородском уезде, а не в Каргопольском»; к Каргополю она была отписана лишь «не на долгое время» по челобитью каргопольцев. В каком году это изменение произошло, новгородские власти, к сожалению, не указывают.

Во-вторых, в 115 (1607) году грамотою царя Василия Шуйского предписывалось Водлозерскую волость, «отписать по-прежнему к Новгородскому уезду к Заонежским погостом» и ведать ею «Заонежских погостов старостам и целовальником с своими погосты вместе». Согласно царской грамоте в Водлозерскую волость посылались «для дозора» подьячие Ларион Лазорев и Родя Бабин; им приказано было обло-

---

⁹⁴ Отписка Каргопольцев... 1612, июня 22 // ДАИ. Т. 1, № 163. С. 286.

жить волость оброком «с выти по десяти рублёв» и отписать к Заонежским погостам Новгородского уезда. По дозору Лазорева и Бабина в Водлозерской волости оказалось «в живущем тринадцать вытей без трети, а данных денег сто двадцать шесть рублей двадцать два алтына полторы денги». В 116 (1608) г. крестьяне Водлозерской волости указанную сумму «в Великом Новгороде в государеву казну платили сполна». В следующем «во 117 (1609) году крестьяне денежных доходов уже не дали, а сказали, что им денежных доходов по государеву указу велено платити в Каргополе», однако, в Новгород об этом указе царя не сообщалось.

В-третьих, «во 119 (1611) году, февраля в 22 день» грамотой из Москвы за прописью дьяка Андрея Иванова предписывалось «Заонежские и Оштинские погосты ведати и денежные с них доходы собирать в Новгород по-прежнему». В роспись доходов, приложенную к грамоте, была включена и Водлозерская волость. На этом основании новгородские власти отрицали, что Водлозерская волость принадлежит к Каргопольскому уезду: если бы «Водлозерская волость была Каргопольского уезда, и она б была в той росписи с Заонежскими погосты не написана». Так как денежные доходы с Водлозерской волости на 119 (1611) год не взяты, Гансу Мунку с товарищами и поручено собрать их сполна на 119 и на 120 годы. В случае, если крестьяне Заонежских погостов денежных доходов платить не станут, Мунку «велено на них с немецкими ратными людьми приходити и промышляти, сколко Бог помочи подаст, а на Водлозерские и на Каргопольские места приходити и задоров чинити не велено, а велено... (с каргопольцами) укрепитца и соединачитца». Новгородские власти заявляли: «ратные люди ныне стоят в Заонежских погостех для укрепления, а не для задоров». В заключение они обращались к воеводам Каргополя с увещанием: «и вперед бы вам самим Ноугородцкого государства в землю не вступатца и тем меж Московским и Ноугородцким государством в соединенье и в любви, а розни бы в том не чинити»⁹⁵.

Перед нами попытка шведских оккупантов обосновать свои притязания юридически. Справедливы ли их ссылки? Отрывки из писцовой книги 1568 г. в настоящее время напечатаны. Мы находим в книге описание Водлозерского погоста (а не волости), «за Онегом» (за Онежским озером)⁹⁶. Однако, в конце XVI в. дело изменилось. Как видно из жалованной грамоты митрополита Варлаама 29 июня 1592 г. Водлозерская

⁹⁵ Грамота Новгородского государства бояр и воевод Якова Деллагарди и князя Ивана Одоевского каргопольцам... 1612, после 22 июня // Действия НГУАК. Сборник. Т. 6. Нижний Новгород, 1913. № 121. С. 204–206.

⁹⁶ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Изд. АН СССР. Л., 1930.

волость в конце XVI в. числилась в Каргопольском уезде⁹⁷. Проверить другие ссылки не представляется возможности. Впрочем, и без проверки ясно, что шведы стремятся захватить всё, что плохо лежит.

Водлозерская волость была для шведов лакомым куском; через нее шел путь в Заволочье, «имевший в своё время огромное значение для новгородцев, так как связывал Новгород с отдаленными колониями. Он подымался вверх по реке Водле, затем переходил в ее приток реку Мышьи Черевы, которая волоком была связана с озером Волок и вытекающей из него рекой Волошей; дальше путь шёл по реке Поче в Кенозеро и через реку Кену в реку Онегу» ниже Каргополя; по р. Онеге направлялись к Белому морю. Важным был и другой «путь, соединявший Онежское озеро с Поморьем. Он начинался в северной части озера близ места, где впоследствии возник Повенец, и шёл через Маткоозеро к реке Выг»⁹⁸.

Грамота Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского в Каргополь⁹⁹ убедила воевод последнего в том, что сбор денег в Водлозёрской волости производился по приказу шведских властей в Новгороде. Так между отрядом Мунка и каргопольцами возник довольно крупный инцидент. Неизвестно, что предприняли воеводы Каргополя. Разумеется, при создавшихся обстоятельствах продолжать переговоры о добром совете стало трудно; да, пожалуй, не было и смысла продолжать их. Вспомним, что в конце июня 1612 г. состоялись переговоры Ярославского совета с посланными из Великого Новгорода¹⁰⁰. Вопрос о признании царем Карла Филиппа решался в общегосударственном масштабе. Решение вопроса должно было отразиться на отношениях Московского государства и Швеции. Планы шведов в отношении Каргополя не осуществились.

Пытались ли Мунк с товарищами овладеть Каргополем открытой силой, данных об этом в моем распоряжении нет. Впрочем, захватить Каргополь было нелегко. «В конце XV века здесь была выстроена первая деревянная крепость, обнесённая земляным валом и рвом. Глубокий ров с помощью шлюзовых ворот соединялся с Онегой и, таким образом, в нем постоянно поддерживалась определённая глубина. Остатки кре-

---

⁹⁷ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. № 263.

⁹⁸ *Гадзяцкий С. С.* Карелия и карелы в новгородское время. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. С. 7; *Платонов С. Ф.* Прошлое русского севера (Очерки истории колонизации Поморья). Изд-во «Время». Пг., 1923. С. 15.

⁹⁹ Действия НГУАК. Сборник. Т. 6, № 121. С. 204–206.

¹⁰⁰ Отписка Устюжан к Вычегодцам в июле 1612 г. Переговоры Пожарского с новгородцами. Речи новгородских посланников игумена Геннадия Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря, кн. Ф. Т. Черного-Оболенского. Список. 1612 г. // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 210. С. 266–270.

пости сохранялись до XVIII века». В одном из актов 1714 года, написанном в виде докладной записки царю Петру I, говорится: «Город деревянный, рубленный, башен по стенам семь... А этот город строение древних времен, башни строены шатровые, и те башни и городовая стена крыты тесом, и во многих местах стена, кровля и лестницы, которые из города на городовую стену были, с ними и обвалились»¹⁰¹.

В декабре 1612 г. черкасы, стремившиеся овладеть городом, должны были отступить; воевода Алексей Иванович Зюзин, дьяк Богдан Ильин Губин и бывшие с ними служилые и ратные люди отбили приступы черкас¹⁰².

Чем привлекал шведов Каргополь? По словам С. Ф. Платонова, «Каргополь лежал в узле нескольких дорог и потому был важным торговым центром». Костомарову он даже представлялся «важнейшим местом вывоза в Россию произведений Северного моря»¹⁰³. С. Ф. Платонов готов согласиться с таким мнением, но с оговоркой, «если под словами “Северное море” разумеют одни западные части Белого моря, главным же образом, Онежскую губу»¹⁰⁴. В XVI в. Каргополь был одним из крупных поселений Московского Севера. Мое внимание привлекают показания под пытками литовцев, попавших в плен к каргопольцам в декабре 1612 года: «Те языки с пытки сказали, что им не взяв Каргополя в Поморские волости не хаживати»¹⁰⁵. Надо думать, что Каргополь важен был и в стратегическом отношении: он прикрывал доступ в Поморье.

Несколько слов о переписке между Я. Делагарди и воеводами Устюжны Железнопольской. Сведения об этой переписке находим в донесении шведского фельдмаршала королю 8 мая 1612 года. Я. Делагарди сообщает, что им получен «сегодня (i dagh) ответ “из великого города”», называемого Устюжна и расположенного в 80 милях от Новгорода, на его (Делагарди) письмо в Устюжну¹⁰⁶.

По словам С. Ф. Платонова, «торговое движение по прямой, старинной дороге (со шведского рубежа через Тихвин и Устюжну в Дмит-

---

¹⁰¹ Томилов Ф. С. Север в далёком прошлом. Арханг. изд. 1947. С. 25.

¹⁰² Ардашев Н. Из истории XVII века. Очищение русской земли. Поход черкас // ЖМНП. 1898. Кн. 6, июнь. С. 234–235.

¹⁰³ Цит. по: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 12.

¹⁰⁴ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 12.

¹⁰⁵ Отписка Каргопольцев Белозерцам о приступе к Каргополю Литовцев с приложением отписки их осажденным, о заключении с ними договора и о выдаче городской казны. 1612, декабря 15 // ДАИ. Т. I, № 169. С. 301.

¹⁰⁶ Донесение Я. Делагарди королю 8 мая 1612 г. Донесение в библиотеке Тартуского университета. См.: Lossius J. Die Urkunder der Grafen de La Gardie in der Universitätsbibliothek zu Dorpat. Herausgegeben von Johannes Lossius. Dorpat, 1882. S. 86.

ров и Москву) с знаменитым Мстинским путем, по которому, главным образом, шли сношения Великого Новгорода с Замосковьем, – вот что поддерживало Устюжну и делало её весьма заметным центром Моложского края». Как пишет тот же исследователь, Устюжна в начале XVII в. «был довольно большой, хотя и пустевший город»¹⁰⁷.

Не верить сообщению Я. Делагарди о том, что он посылал письмо в Устюжну, нет оснований. Видимо, в Устюжну писали из Новгорода, как писали и на Белоозеро и в Кириллов монастырь и в Каргополь, увещывая быть в союзе с Новгородом. Можно с большою долей вероятности говорить, что грамота в Устюжну пошла из Новгорода в апреле месяце 1612 г. (ответ на неё получен был Делагарди 8 мая), значит, одновременно с грамотами на Белоозеро и в Каргополь, после того, как стало широко известно о присяге казаков под Москвой псковскому самозванцу.

Связи Устюжны с Новгородом несомненны: в начале 1611 г. новгородцы, примкнувшие к движению Прокопия Ляпунова, направили в разные города (поименованы свыше 18 городов, в том числе Устюжна) грамоты с увещанием быть с Новгородом «в соединенье» и стоять против врагов¹⁰⁸. Выше было указано, что в Устюжне жили новгородцы, бежавшие из Новгорода во время захвата его шведами.

В передаче Я. Делагарди ответ воевод Устюжны представляется вполне благоприятным для шведов: воеводы Устюжны обещались передаться шведам, когда шведский герцог, признанный царём в Новгороде, прибудет в Россию. Проверить, так ли было в действительности, сказать, что ответ из Устюжны был искренним, не представляется возможным.

Равным образом ничего неизвестно о том, посылались ли к Устюжне шведские отряды, чтобы захватить город. Выше упоминалось, что Ярославский совет нашёл необходимым отправить весной 1612 г. воеводу с ратными людьми и «на Устюжну Железнопольскую»¹⁰⁹. Скажем в заключение, что сношений Устюжны с Я. Делагарди коснулся Н. И. Костомаров, воспользовавшийся трудом шведского учёного

---

¹⁰⁷ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 25.

¹⁰⁸ Отписка новгородцев о единодушном намерении стоять за православную веру, о заключении в тюрьму Ивана Салтыкова и других изменников, о посылке ратных людей на помощь Прокопию Ляпунову и о поражении литовских людей, приходивших в Новгородскую область. 1611 год, март. // ААЭ. Т. 2, № 183. С. 313–314.

¹⁰⁹ Грамота от кн. Д. Пожарского на Белоозеро к воеводе и дьяку... 1612, июня 16 // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 72. С. 86.

XVII в., Видекинда. У Н. И. Костомарова, впрочем, Устюжна превратилась в «Устюг»¹¹⁰.

Анализ ряда источников на русском языке позволяет констатировать, что Ганс Мунк, посланный шведскими властями в Новгороде для сбора денежных доходов с Заонежских погостов и с Водлозерской волости на 119 и на 120 гг., пытался летом 1612 г. овладеть городами Белоозерском и Каргополом.

«В Оспожино заговейно в четверг» (30 июля 1612 г. – Г. 3.) «пoутру рано» пришли на Белоозеро литовские люди. «Ратных людей с волостей в тое пору на Белеозере не было». Стрельцов на мирские деньги было прибрано 150 человек, но из них сто были посланы «на Череповецкую засеку для обереганья от воровских же людей». На Белоозере оставалось всего 50 человек. Воевода Степан Чепчугов не оказал отпора наступающей Литве; он уехал в Кириллов монастырь «для того, что ратных людей на Белеозере не было, (а) посадцкие люди от страху разбежались розно, стояти было противо литовских и русских воровских людей некому»¹¹¹. Трудно сказать, как повлиял захват Белоозера Литвой на ход операций Ганса Мунка в местности к востоку от Онежского озера. Во всяком случае, в августе месяце 1612 г. Мунк был уже в Новгороде; выше упоминалось, что Делагарди назначил тогда Мунка ротмистром на о. Эзель.

Планы шведов овладеть Сумским острогом, Белоозером и Каргополом провалились. Отряд Мунка оказался не в силах выполнить полностью данные ему Я. Делагарди поручения. В противоположность успешным операциям Э. Горна под русскими городами, расположенными близ Финского залива и отрезанными от Московского государства, Мунк потерпел неудачу под городами, на территории к востоку от р. Волхова, державшими связи со вторым земским ополчением и получавшими от ополчения поддержку. Любопытно, что Мунк, несмотря на явную слабость своего отряда, не просил у Я. Делагарди подкреплений; видимо, надежды на это не было.

Хотя Мунка и постигла неудача, нельзя думать, что операции Мунка были безрезультатными. Давно известен наказ Я. Делагарди и И. Н. Одоевского приказчику Нехорошему Вельяшеву 22 ноября 1612 (1612) г. об управлении Обонежскими дворцовыми волостями. Короля

---

¹¹⁰ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. II, т. 6. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. СПб., 1903. С. 588.

¹¹¹ Обыск на Белоозере про кабацкое вино ... и про поступки воеводы С. Н. Чепчугова в смутное время. 1614, 29 января – 18 февраля // Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. / собрал С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 114. С. 147.

Густава II Адольфа «и Ноугородского государства бояре и воеводы» Я. Деллагарди и И. Н. Одоевский приказывали Нехорошему Вельяшеву ехать «в Обонежскую пятину, в Оштинский стан, в государевы оброчные волости, в Николской погост в Оштинской и в Шумозерскую волость в Покровской погост Вытегорской, в Рождественской погост в Мегорской, в Рождественской погост Остречинской, в Воскресенской погост в Важинской, в Ильинской погост Веницкой, в Рождественской погост в Пирской» (всего 7 погостов). Нехорошему предписывалось «быти в Оштинском стану», в перечисленных погостах «всякие государевы денежные доходы сбирати, и всякие дела ведати, и крестьян судити и управа меж ими чинити, и крестьян на пустые выти называти и погосты полнити, и крестьян от сторонних людей беречи, чтоб государевым крестьяном от сторонних ото всяких людей ни от кого ни в чём обид и насильств не было». Впрочем, компетенция Нехорошего распространялась не только на поименованные погосты. В наказе говорится: «Да Нехорошему, и старостам, и целовальником на Олонце и в Заонежских погостех, давати на оброк крестьяном пустые выти на пашню и на сенокос»¹¹². Стало быть, в ведении приказчика Нехорошего должна была находиться также местность между Ладожским и Онежским озерами.

Чем было вызвано назначение приказчика? Об этом в наказе говорится так: «посыланы были в Оштинской стан для крестьянского обереганья приказчики с Москвы, а ныне в Оштинском стану приказчика нет и крестьян от сторонних людей от обид оберегати, и управы меж крестьян чинити, и государевых податей сбирати некому; а Оштинского стану крестьяне, Вытегорского погоста Сергушка Васильев, Важинского погоста Митрофанко Клементьев, Игнашко Никитин, Приезжийко Михеев, Остречинского погоста Завьялко Судов, и во всех крестьян место Оштинского стану, били челом, чтоб их пожаловали, велели к ним в Оштинской стан дати приказчика, кому их во всех делах ведати, и меж ими управу чинити, и от сторон от обид оберегати, что они от Новгорода удалели, а приказчика у них нету»¹¹³.

В коллекции актов С. В. Соловьёва, хранящейся в архиве Археологической комиссии (ныне ЛОИИ), имеется «челобитная» крестьян дворцовых волостей Оштинского стана Я. Деллагарди и кн. И. Н. Одоевскому о назначении к ним приказчика для обереганья от воров и

---

¹¹² Наказ напечатан в ДАИ. См.: Наказ Новгородского государства бояр и воевод Якова Деллагарди и Ивана Одоевского приказчику Нехорошему Вельяшову об управлении Обонежскими дворцовыми волостями. 1612, ноября 22 // ДАИ. Т. I, № 167. С. 294–295.

¹¹³ ДАИ. Т. I, № 167. С. 294–295.

«сильных» людей¹¹⁴. Таким образом, трудно оспаривать, что крестьяне Оштинского стана обращались к властям в Новгороде с челобитной о назначении приказчика. Мне хотелось бы, однако, обратить внимание на другое.

При анализе листа Мунка с товарищами М. В. Лихареву мы видели, что зимой 1611/1612 г. Мунк с отрядом воевал в «Заонежских и Оштинских» погостах¹¹⁵. Из донесения Я. Делагарди королю 22 апреля 1612 г. также ясно, что жителей местности, расположенной против Кексгольского лена (Карельского уезда) и называемой *Sanega* («За Онег»), – принудил к присяге шведскому герцогу шведский отряд¹¹⁶. Наконец, известно, что 12 июня 1612 г. Ганс Мунк с Василием Неплюевым и Василием Змеевым отправили в Новгород собранные ими денежные доходы с целовальниками трех погостов (Рождественского погоста Остречинского, Рождественского погоста Мегорского, Покровского погоста Вытегорского) из семи, упомянутых в наказе Нехорошему (см. выше. – Г. 3.)¹¹⁷. Приведённые данные заставляют признать более соответствующим истине предположение, что челобитная крестьян дворцовых волостей Оштинского стана Я. Делагарди и кн. И. Н. Одоевскому не была актом свободного волеизъявления, крестьяне вынуждены были действовать по указке оккупантов.

Наказ Я. Делагарди и кн. И. Н. Одоевского Нехорошему необходимо признать одним из доказательств, что упомянутые лица считали себя в праве распоряжаться дворцовыми погостами и Оштинского стана, а также на Олонце и в Заонежских погостах. Стремление шведских властей в Новгороде распоряжаться дворцовыми волостями понятно. С момента признания жителями Новгорода в июле 1611 г. своим царем одного из шведских герцогов (Густава Адольфа или Карла Филиппа – Г. 3.) дворцовые земли, находившиеся в Новгородской области, по видимому, стали рассматриваться как собственность герцога. Известно, что в Новгороде при шведах продолжал существовать Дворцовый приказ; в нем сидел дьяк Пятой Григорьев¹¹⁸. Фактически дворцовыми землями распоряжался Я. Делагарди.

---

¹¹⁴ О челобитной см.: *Курдюмов М. Г.* Описание актов, хранящихся в архиве Археологической Комиссии // ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31, № 521. С. 73. М. Г. Курдюмов отнес челобитную к 1611 г.

¹¹⁵ Архив П. М. Строева. РИБ. Т. 35. Пг. 1917. № 149. Стб. 262–264.

¹¹⁶ Донесения Я. Делагарди от 22 апреля 1612 г. в библиотеке Тартусского университета. См.: *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. С. 67.

¹¹⁷ Ленинградское отделение Института истории Академии Наук СССР (ЛОИИ). Опись Андреева № 2. № 552.

¹¹⁸ *Якубов К. И.* Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР. 1890, Кн. IV. С. 52; Царская грамота Старорусскому воеводе Боборыкину по челобитной Старорусских посадских людей об отобрании от дворян и детей боярских

Следует, таким образом, констатировать, что в 1612 г. власть шведов распространилась и на Оштинский стан. Операции Мунка, бесспорно, способствовали утверждению власти шведов на Оште.

Не забудем, впрочем, что наказ шведских властей в Новгороде Нехорошему представляет источник нормативного характера. На какую территорию простиралась власть приказчика Нехорошего на деле, насколько она была реальна, из источника не видно¹¹⁹. Есть основание думать, что власть шведов признали, притом временно, лишь крестьяне некоторых дворцовых погостов Оштинского стана; приславшие челобитчиков в Новгород.

Смысл операций Мунка становится ясным при сопоставлении с королевской инструкцией 18 июня 1613 г. комиссарам в Выборге. Король предписывал требовать уступки Швеции (сверх Новгорода и Корелы. – Г. 3.)

1) пояса крепостей около Финского залива (Ивангорода, Яма, Копорья, Орешка),

2) пояса крепостей с включением Пскова, Гдова, Ладоги и Тихвина,

3) поморских областей Колы, Сумского острога и по возможности Соловецкого монастыря, т. е. всей территории между Финляндией и Белым морем, наконец,

4) уступки Архангельска с округом¹²⁰.

Такова программа максимум. В 1611 г. до утверждения в Новгороде шведы мечтали путем захвата Колы, Сумского острога и Соловков овладеть на севере Кольским полуостровом; в 1612 г. после своего утверждения в Новгороде Великом они задумали путем захвата Сумского острога, Белоозера и Каргополя овладеть западной половиной Поморья (примерно, до р. Онеги. – Г. 3.) и открыть себе путь к Белому морю. Операции Мунка – это новый шаг на пути реализации «великого» плана правителей Швеции в отношении России, переживавшей трудные годы.

Не лишнее указать, что шведы строили планы походов к Белоозеру и другим близлежащим городам и позднее. В апреле 1613 г. царь Михаил в грамоте на Белоозеро предупреждал воеводу С. Н. Чепчугова,

---

розданных им дворцовых сел и черных волостей. 1617, июля 11 // ААЭ. Т. 3, № 91. С. 124–125.

¹¹⁹ ДАИ. Т. I, № 167. С. 294–295.

¹²⁰ Русский перевод королевской инструкции напечатан в «Действиях Нижегородской Губернской Архивной Комиссии». См. Инструкция короля Густава Адольфа от 18 июня 1613 г. // Действия НГУАК. Сборник. Вып. XIV. Отд. III. См. особ. С. 11. См. также: Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Кн. X. С. 190; Он же. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1894. Т. II. С. 121; Generalstabens. Sveriges krig 1611–1632. Bd. 1. Danska och Ryska kriget. Stockholm, 1936. B. 1. D. 2. S. 422.

что, по полученным от новгородского митрополита Исидора и дьяка С. Лутохина сведениям, «Венгорн (Эверт Горн. – Г. 3.) с большими людьми пошел подо Псков, а полковник де Франстрюк с немецкими людьми пошел за Онег, а итти де ему под Белоозеро, и под Кирилов монастырь, и под Устюжну»¹²¹. В марте 1614 г. Богдан Чулков и атаман Томила Антипов, сообщая царю о соединении черкас, вернувшихся из-под Олонца, с отрядом Мунка на Тулмоозере, добавляли, что черкасы и шведы намерены идти «с нарядом под Белоозеро, и под Кирилов монастырь и под Каргополь»¹²². Наконец, в 1616 г. живший в Ладогe (захваченной шведами) новгородец, сын боярский Водской пятины Агиш Уваров, «прямивший царю», передавал прибывшим тайно из Тихвина в Ладугу посланным от Д. И. Мезецкого с товарищами: «и толко де свейским послом з государевыми послы мирново постановенья не учинитца, и бою де быт(и) тотчас. А воеводы в войну и под города расписаны: Самойлу де Кобрину да Анц Муку идти в Заонежские погосты войною, а Индрику Горну с немецкими с конными людьми под Устюжну Железнопольскую войною ж»¹²³.

Необходимо констатировать, что шведы не только стремились захватить Белоозеро, Каргополь, Устюжну в 1611–1612 гг., они зарились на эти города и позднее.

Глава III

Рассмотрим теперь, как реагировали жители Заонежских погостов и московские власти на операции Мунка в Обонежской пятине. Не станем упускать из виду, что операции Мунка совпадают по времени с распадом 1-го земского ополчения и формированием 2-го (нижегородского) ополчения.

Лист Ганса Мунка с товарищами М. В. Лихареву, угрозы, содержащиеся в листе, свидетельствуют о том, что шведов-оккупантов встретили в Оштинских и Заонежских погостах крайне неприязненно. Крестьяне не ограничивались отказом платить налоги. Они перешли к активным формам борьбы. В письме к А. Оксеншерне от августа 1612 г. Я. Делагарди недвусмысленно заявляет, что в местности против Нор-

---

¹²¹ Грамота Белозерскому воеводе Степану Чепчугову о приведении Белозерска в осадное положение и о поимке лазутчиков, разосланных шведами по государству. 1613, апреля 11 // ДАИ. Т. 2, № 2. С. 3–4.

¹²² Отписка Каргопольских воевод Ивана Дашкова и Степана Пустопшкина о приходе Литовских воинских людей в Шуйскую волость Новгородского уезда и о намерении их идти на Белоозеро и под Кирилов монастырь. 1614, апрель // АМГ. Т. 1, № 70. С. 106.

¹²³ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1616 г. Д. 8.

вежского поморья, где действовал Мунк (т. е. в Заонежье), «мятежные крестьяне несколько раз» восставали против Мунка¹²⁴. К сожалению, за отсутствием конкретных данных, невозможно приурочить восстания крестьян к определённым месту и времени.

В источниках на русском языке встречаются скудные, но весьма интересные известия о мерах против шведов-оккупантов, принятых московскими властями. Из показаний по делу воеводы С. Н. Чепчугова 1614 г. «Белозерского уезда Суцкие волости» сборщика Урака Поздиева, отправлявшего (исполнявшего) должность сборщика в 119 (1610/1611) году, узнаём, что С. Н. Чепчугов взял у Поздиева из собранных в 119 году денег 170 рублей и «роздал заонеским ратным людям, которые посланы были на Ошту и за Онег против немецких людей; да тем же ратным людям Степан Чепчугов дал пошлинных денег полтину»; сверх того из собранных Поздиевым денег воевода «дал голове ратных людей Илье Губцову» восемь рублей. Таким образом, по свидетельству Урака Поздиева, против шведов «на Ошту и за Онег» были двинуты русские воинские части¹²⁵. К этому показанию следует приглядеться внимательнее.

Не верить показаниям Поздиева нет оснований. Необходимо определить точное время отправления ратных людей «на Ошту и за Онег». Отправление произошло при воеводе Белоозера Степана Никифоровича Чепчугове. Из упомянутого выше следственного дела о Чепчугове узнаём, что «во 119 году на Петрово место Новосильцова приехал на Белоозеро Степан Чепчугов»¹²⁶, другими словами, С. Чепчугов стал воеводой на Белоозере ещё до 1-го сентября 1611 г. заметим и то, что деньги заонежским ратным людям давались С. Чепчуговым из сбора 119 года. 120-й год начался 1-го сентября 1611 года. Думается, не будет большой ошибки, если я скажу, что заонежские ратные люди были отправлены «на Ошту и за Онег» зимой 1611–1612 г., когда в Оштинских и Заонежских погостах появился Ганс Мунк со своим отрядом; очевидно, против Мунка и выступают эти ратные люди.

Кем был дан приказ о посылке ратных людей? Едва ли можно приписывать инициативу в этом деле представителям местной власти, т. е. воеводе С. Чепчугову. Естественнее думать, что приказ об отправлении ратных людей «на Ошту и за Онег» шёл от вождей первого опол-

---

¹²⁴ Письмо Я. Делагарди канцлеру А. Оксеншерне. 1612, август. См.: Rikskansleren A. Oxenstiernas Skrifter och brevväxling (AOSB). В. V.

¹²⁵ Обыск на Белоозере про кабацкое вино ... и про поступки воеводы С. Н. Чепчугова в смутное время. 1614, 29 января – 18 февраля // Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. / собрал С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 114. С. 148.

¹²⁶ Обыск на Белоозере ... // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 114. С. 141.

чения – Д. Т. Трубецкого, И. Заруцкого и Артемия Измайлова (вошедшего в состав тройки вместо убитого казаками Прокопия Ляпунова). «Совет всея рати», узнав о походе шведов весною 1611 г. под Колу командировал М. В. Лихарева и Е. Д. Беседнаго в Сумский острог для защиты русских границ от нападений шведов (см. выше)¹²⁷. Надо думать, что по приказу того же совета, но в новом составе, были отправлены против шведов на Ошту и Заонежские ратные люди; это – акт центральной власти.

Из-за захвата Я. Делагарди Новгорода Великого в июле 1611 г. неприязненные отношения казаков, оставшихся под Москвою после убийства П. Ляпунова, к шведам еще более обострились. Отправленные советом Первого ополчения к Карлу IX послы Иван Фёдорович Троекуров, Борис Степанович Собакин и думный дьяк Сыдавной Васильев бить челом о королевиче, воротились с дороги, а прибывший из Новгорода под Москву посланный Я. Делагарди Георгий Брюнно был там долго задержан (см. выше)¹²⁸. При таких отношениях отправление ратных людей против шведов представляется вполне естественным.

Отправляются заонежские ратные люди «на Ошту и за Онег», видимо, с Белоозера: недаром с ними имеет дело воевода Белоозера, С. Чепчугов. Белоозерск являлся одним из ближайших пунктов к Заонежской половине Обонежской пятины. По словам Григория Образцова, Ошта «от Белоозерского уезда верст за пятьдесят»¹²⁹.

Были ли у заонежских ратных людей стычки с отрядом Мунка и, если были, то где и когда, об этом в доступных мне источниках ничего не говорится. Однако, сомневаться в том, что борьба шла, не приходится.

Кажется, в контакте с восставшими крестьянами и заонежским ратным людьми действовал сумский воевода М. В. Лихарев. На эту мысль наводит упрек М. В. Лихареву в листе Мунка: «за какую ты правду стал, и по чьему указу хочешь ты один стояти против Ноугородцкого господарства и Свиския земли, собрався с такими людьми, которые не хотят прироженным государем служить, и воровати, и государеву землю запустошити, и православных христиан всех до конца

---

¹²⁷ Лист Сумских воевод к Шведским воеводам ... 20 августа 1611 г. // ААЭ. Т. 2, № 193. С. 241–242; Лист сумского воеводы Лихарева к шведским воеводам 1611, сентября 7 // ААЭ. Т. 2, № 195. С. 244–245.

¹²⁸ Список с грамоты, какова прислана из Ярославля от бояр и воевод в Великий Новгород... 1612, май // Действия НГУАК. Сборник. Т. 11. Нижний Новгород, 1912. № 144. С. 253.

¹²⁹ Отписка Белоозерского воеводы Григория Образцова к воеводам князю Трубецкому и князю Пожарскому с товарищами в Москву о вестях про Немецких людей и о малом числе войск в Белоозере. 1612, декабрь // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 218. С. 278.

разорити»¹³⁰? Авторы листа апеллируют к классовому чувству дворянина Лихарева. Не лишнее подчеркнуть, что «в 1612 г. о Петрове дни и о Павлове» (т. е. 29 июня. – Г. 3.) было заключено между воюющими сторонами перемирие; это было результатом обращения уполномоченных Ляпуновского ополчения М. В. Лихарева и Е. Д. Беседнаго к шведским военачальникам¹³¹. Заключение перемирия на севере почти совпадает по времени с переговорами совета 2-го ополчения с новгородскими посланными в Ярославле: переговоры имели место 26 июня того же 1612 г.

Позднее, в 1613 г. наместник Каянин, Эрик Харе, писал в Сумский острог, что он старается сохранить мир между сторонами и на будущее время¹³². Однако, эти усилия не давали желаемого результата.

При царе Михаиле борьба со шведами-оккупантами в Заонежских погостах вспыхнула с новой силой. Из письма шведского наместника в Кареле, Андерса Бойе, канцлеру А. Оксеншерне от 16 октября 1613 г. узнаём, что первейшие крестьяне пяти приходов Карельского уезда убежали в отряды разбойников, которые здесь четыре раза осенью 1613 г., производили нападения из Заонежья, сжигали, опустошали и разоряли деревни, расположенные по соседству с озером, уводили некоторых в плен и захватывали семена¹³³. В данном случае важно констатировать, что нападения на Карельский уезд производились из Заонежья притом, по-видимому, по инициативе местных жителей.

В сентябре 1613 г. по приказу царя отправляется из Москвы под Новгород целая армия под начальством Д. Т. Трубецкого и Д. И. Мезецкого¹³⁴. Не закончив войну с поляками, правительство царя Михаила вступает в открытую войну и со шведами, утвердившимися в Новгороде. В то же самое время правительство царя Михаила не оставляет без внимания и Заонежские погосты. По царскому наказу Богдану Чулкову велено было «быти в Заонежских погостех, а в Заонежских погостех велено... собрати ратных людей и итить на... государеву службу на Вол-

---

¹³⁰ Лист Шведского дворянина Ганса Мука с товарищами к Максиму Васильевичу и ратным людям и жителям Заонежских и Оптинских погостов, с увещанием, чтобы они дали присягу в верности шведскому королевичу. 1615? // ААЭ. СПб., 1836. Т. 3, № 76. С. 111.

¹³¹ Лист правителя Каянии Эрика Харе к начальствующим в Сумском городке об удержании порубежных жителей обеих сторон от взаимных насильств. 1613, мая 30 // ААЭ. Т. 3, № 6. С. 9–10.

¹³² ААЭ. Т. 3, № 6. С. 9–10.

¹³³ Письмо А. Бойе канцлеру А. Оксеншерне. 1613, октября 16. Возможно, данное письмо опубликовано у Вааранена. См.: *Waaranen J. Samling af urkunder rörande Finlands historia*. Helsingfors, 1874. Bd. V, № 157. S. 202.

¹³⁴ Царская грамота Пермскому воеводе об освобождении Белой от поляков и победе под Тихвином. 1613, октября 1 // ААЭ. Т. 3, № 12. С. 14–15.

ховское устье, что над Ладожским озером, и поставить острожек и из того острожку промышлять над Литовскими и над немецкими людьми». 10-го ноября 1613 г. Б. Чулков приехал «в Пудогу» (Пудож). В то время литовские люди стояли «на Вытегре, и на Мегре, и на Палтеге и во многих Заонежских погостех», а в Андомском погосте стоял «атаман казачей Томило Антипьев, а с ним охочие казаки». Набрал «даточных людей с Пудожского и с Шалского острожка», Б. Чулков отправился с ними в Андомский острожек. 20 ноября пришли под острожек «польские и Литовские многие люди». На следующий день они начали приступать к острожку «с щиты и с приметом»¹³⁵.

То были черкасы, действовавшие летом 1613 г. вместе со шведами и некоторыми новгородскими дворянами под восставшим против шведов Тихвиным. «Как пришла осень, и кормов у них не стало, и они с немцы розстались и пошли на Каргопольский уезд на Вытегру, а водили их от волости до волости мужики и торговые люди». В бою под Андомским острожком бойцы Б. Чулкова и атамана Т. Антипьева «ранили человек триста да убили человек с пятьдесят» черкас¹³⁶. Не добившись успеха под Андомой, черкасы 23-го ноября 1613 г. отступили. Б. Чулков и казаки Т. Антипьева их преследовали¹³⁷.

Из Андомского острожка Б. Чулков вместе с атаманом Томилою Антипьевым отправился на север (в Заонежье) и поставил острог в вотчине новгородского Вяжицкого монастыря в Егорьевском погосте в Толвуйской волости. Здесь к Б. Чулкову присоединился «с немецкого рубежа атаман Ермолай Поскочин с ратными казаки». Кроме того, Б. Чулков, «собрав охочих людей», построил ещё острожек в Никольском погосте на реке Шуе (на северной стороне Онежского озера. – Г. З.). В январе 1614 г. к этому острожку подошли «от моря» литовские люди; они стояли здесь «две недели и три дни», однако, захватить острожек не могли: защищавшие острожек «атаман Богдан Грязной с казаки и с охочими людми отсиделися». Несмотря на некоторые успехи, царь приказал в марте особой грамотой Б. Чулкову, чтобы он «тотчас со всеми людьми шёл к... воеводе и к ратным людем в сход, которые под Новым городом и под Ладогой», т. е. шёл к Д. Т. Трубецкому. К сожа-

---

¹³⁵ Отписка Богдана Чулкова о поражении им с казаками и охочими людьми под Андомским острожком в Заонежских погостах Литовских людей ...1613, ноябрь // АМГ. Т. 1, № 47. С. 82–83.

¹³⁶ Отписка холмогорских воевод Петра Пронского с товарищами... Распросные речи черкашенина Александра Белозерковца. 1614, январь // АМГ. Т. 1, № 56. С. 92.

¹³⁷ Отписка Богдана Чулкова... 1613, ноябрь // АМГ. Т. 1, № 47. С. 82–83. Редактор датировал отписку Б. Чулкова царю (АМГ. Т. 1, № 47) 1614 годом. Это неверно. Черкашенин Александр Степанов сын Белозерковец, перепешший на сторону царя, рассказывал о неудачном приступе черкас к Андомскому острогу ещё 9 декабря 122 (1613) года. См.: АМГ. Т. 1, № 56. С. 92.

лению, конца царской грамоты недостаёт. Поэтому о задании, данном Чулково, сказать точно ничего нельзя¹³⁸.

Какие выводы необходимо сделать из отписки Б. Чулкова царю? Едва ли будет ошибкой, если я скажу, что Б. Чулков, действуя на Волховском устье, должен был помогать главным русским силам, направлявшимся к Новгороду под командованием Д. Т. Трубецкого, в борьбе со шведами. Заонежские погосты по мысли царского правительства должны были стать базой, плацдармом для военных действий против шведов на Волховском устье. Возможно, что царское правительство, отправляя Б. Чулкова в Заонежские погосты, учитывало и наличие в погостах «охочих» людей, добровольцев, которые вели борьбу с иноземными захватчиками, и надеялось на их поддержку. Отписка Б. Чулкова царю 1613 г. подтверждает известие о сопротивлении жителей Заонежских погостов шведам, почерпнутое из других источников.

Оборонительные мероприятия проводились властями и в Белозёрском уезде. Как говорилось выше, здесь были устроены 22 засеки. «С Семяны дни» 120-го года (с 1-го сентября 1611 года) на засеках стояли ратные люди, набираемые с сох, а также «орханильские стрельцы и Аршиновой станицы казаки». С 1-го сентября 1611 г. до июня 1612 г. на наём этих ратных людей, на корм им и в пороховую и в свинцовую казну «на всякие месяцы им выходило денег, oprичь поголовных людей, что в ближних волостей стояли они крестьяне своими головами, которые подошли к засекам, со всего Белозёрского уезда и с посаду, oprичь Кириловские вотчины по 700 по 70 рублёв»¹³⁹.

В итоге позволительно сказать, что вожди казаков во второй половине 1611 года проявляют готовность к активной борьбе со шведами; позднее правительство царя Михаила вступает в открытую войну с ними.

Глава IV

Иной тактики в отношении шведов придерживаются вожди Второго земского ополчения. Осенью и зимой 1611/1612 г. отряды поляков, находившиеся в Московском государстве, не проявляли большой активности. Сигизмунд III после взятия Смоленска, сопротивлявшегося двадцать месяцев и потребовавшего крайнего напряжения сил со стороны Польши, уехал в Варшаву; увятский староста Ян Сапега скончался

---

¹³⁸ Отписка воеводы Богдана Чулкова об отбитии польских и Литовских людей от Никольского и Шунгского острожков, с приложением расспросных речей «языков» о количестве неприятельского войска. 1614, февраль // АМГ. Т. 1, № 59. С. 95–96.

¹³⁹ Грамота от кн. Д. Пожарского из Ярославля на Белоозеро // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 72. С. 86.

под Москвой в ночь с 14 на 15 сентября (нов. ст.), разногласия среди поляков не прекращались¹⁴⁰. Между тем шведы после захвата Новгорода Великого продолжали, как мы видели выше, продвигаться вглубь России¹⁴¹.

Вожди Второго земского ополчения не могли игнорировать это продвижение шведов. Известно, что составитель «Нового Летописца», по заключению С. Ф. Платонова, «очень обстоятельно» излагающий «дипломатическую переписку со шведами и Новгородом властей нижегородского ополчения», объясняет отправление посольства во главе со Степ[аном] Татищевым из Ярославля в Новгород в начале мая 1612 г. опасением, как бы «немцы (шведы. – Г. З.) не пошли воевать в Поморские городы» в то время, как ополчение движется на очищение Московского государства¹⁴². Мне представляется возможным истолковать это указание «Нового Летописца» расширительно: опасением за Поморье следует объяснить не только отправление посольства С. Татищева в Новгород, но ряд других мероприятий вождей Второго ополчения в отношении шведов.

Попытаемся проследить отношение вождей Второго ополчения к шведам. Еще в грамоте из Нижнего на Вычегду, написанной около 1 декабря 1611 г. и доставленной к месту назначения Д. С. Жедринским, вожди ополчения обнаруживают интерес к Новгороду Великому. «А что у вас про Новгород Великой каких вестей, – писали из Нижнего в грамоте вычегодцам, – и вам бы про то отписати к нам подлинно». Видимо, о захвате Новгорода Великого шведами организаторам нижегородского ополчения уже был известно; они просят вычегодцев написать о Новгороде «подлинно». Вместе с тем нижегородцы просят вычегодцев дать знать в Новгород о формировании нового ополчения, точно желая этим ободрить новгородцев, попавших под власть шведов, «да и в Нов бы город Великий вам от себя отписати, – читаем в той же грамоте, – что Казаньские и мы Нижнево Новгорода и все (всех. – Г. З.) понизовых городов всякие ратных служилые люди идут все в помочь Мос-

---

¹⁴⁰ Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613), известный под именем Истории ложного Димитрия (из дневника Будилы) / перевод М. Кояловича // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ). Т. 1. СПб., 1872. Стб. 254; *Гириберг*. Марина Мнишек / русский перевод и предисл. А. Титова. М., 1908. С. 296; *Жукович А.* Московская смута начала XVII в. и ее отражение в литовско-польском государстве // Христ. чтение. 1902, ноябрь, декабрь.

¹⁴¹ Грамота от кн. Д. Пожарского из Ярославля на Белоозеро к воеводе и дьяку... 1612, июня 16 // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 72. С. 86.

¹⁴² Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 119; *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., как исторический источник. Соч. Т. 2. СПб., 1913. С. 328.

ковскому государству головами своими»¹⁴³. Вступить в сношения с Новгородом Великим вождям Второго ополчения пришлось, однако, лишь спустя несколько месяцев во время стоянки ополчения в Ярославле.

Из фактов последующего времени внимание привлекает один: Второе ополчение сначала предполагало отправиться из Нижнего прямо в Москву через Суздаль, но потом этот маршрут был изменён: ополчение двинулось из Нижнего вверх по Волге к Ярославлю. Что побудило вождей нижегородского ополчения изменить маршрут? П. Г. Любомиров связывает перемену маршрута Второго ополчения с изменением положения дел под Москвой. Вследствие изменившихся условий «поход к Москве (по словам П. Г. Любомирова) мог не казаться уже столь выгодным, как раньше, и особенно необходимым и, наоборот, приобретал ту невыгодную сторону, что пришлось бы надолго связать войско осадой Москвы в опасной для одних и соблазнительной для других элементов его обстановке постоянного соприкосновения с готовыми присягнуть новому Вору казаками»¹⁴⁴. По словам Ф. В. Чебаевского, «учитывая шаткость казачества, стоявшего таборами под Москвой, и исходя из потребности более основательной и всесторонней подготовки к походу, Минин и Пожарский решили двигаться с войском вверх по Волге, к Ярославлю»¹⁴⁵.

Объяснение П. Г. Любомирова мне представляется искусственным, а указание Ф. В. Чебаевского недостаточным. Необходимо подыскать другое объяснение изменения первого начального маршрута нижегородского ополчения. Я склонен поставить это изменение маршрута ополчения в связь с продвижением шведов вглубь России. В каком направлении? Приписывать изменение первоначального плана похода из Нижнего в Москву действиям Мунка на периферии Московского государства (под Сумским острогом), на мой взгляд, затруднительно. Но не станем забывать, что в сентябре 1611 г. шведы заняли Тихвин. Обозначилось новое направление шведской интервенции – Тихвин-Белоозеро. В XVII в. этому направлению придавали немалое значение: недаром составитель «Нового Летописца» отмечает: «А от Нова города всё же оберегахуся, что придоша немцы и сташа на Тихвине»¹⁴⁶. Мы констати-

---

¹⁴³ Грамота из Нижнего в Вычегду. Около 1 декабря 1611 г. // Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. Приложение первое. № 1. С. 236–237.

¹⁴⁴ Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.

¹⁴⁵ Великое дело Минина и Пожарского // Сборник под ред. Н. М. Добровора. Горький, 1943. С. 16.

¹⁴⁶ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 119.

руем, что появления шведов ждали даже в Вологде: жители Устюга написали об этом в далёкую Пермь, прося помощи. Трудно допустить, чтобы о движении шведов по линии Тихвин-Белоозеро ничего не было известно вождям Нижегородского ополчения. Вот не это ли продвижение шведов по линии Тихвин-Белоозеро заставило вождей нижегородского ополчения изменить первоначальный маршрут? Направляясь из Нижнего в Ярославль, ополчение двигалось прямо навстречу шведам-оккупантам.

Стоит обратить внимание и на другой факт. По рассказу «Нового Летописца», посланные из Ярославля в Нижний лица сообщили Д. М. Пожарскому и К. Минину, «что прислал Заруцкой многих казаков в Ярославль, а ныне де идёт Ондрей Просовецкой с ратью, а хотят захватити Ярославль и все Поморские грады, чтоб не дати совокупиться Нижегородской рати с Ярославцы»¹⁴⁷. Это сообщение «Нового Летописца» прочно вошло в оборот советской исторической науки. Думается, что отправление Ив[аном]. Заруцким казаков в Ярославль, а затем поход Андрея Просовецкого с ратью в тот же город следует объяснить не стремлением казаков воспрепятствовать соединению нижегородского ополчения с ярославцами (как это делает автор «Нового Летописца», писавший около 1630 г.), а стремлением казаков, бывших под Москвой, оказать известное противодействие шведам, продвигавшимся по линии Тихвин-Белоозеро. Мы уже знаем, что по приказу совета 1-го ополчения в 1611 г. были посланы против шведов ратные люди на Ошту. Нет ничего невероятного в том, что в 1612 г. вожди казаков предпринимают новый шаг в отношении шведов. Что касается обороны Москвы от шведов с северо-западной стороны (со стороны Твери), то на этом фронте до половины марта 1612 г. находились казацкие отряды А. Михайловича, Наливайко, Ширяя и др., служившие полякам (пока их не разбил Э. Горн).

В вопросе о занятии Ярославля, приобретшего в 1612 г. в связи с продвижением шведов немалое стратегическое значение, интересы подмосковных казаков столкнулись с интересами вновь образовавшегося нижегородского ополчения. Занятие Ярославля нижегородским ополчением давало возможность вождям ополчения не только защищать «поморские города» от вторжения шведов, но и загородить их от казаков. Борьба второго ополчения с казаками за Ярославль окончилась победой ополчения: на его долю выпала задача защищать Родину от шведов.

Рассмотрим теперь действия в отношении шведов Ярославского совета. В апреле 1612 г., как уже указывалось раньше, в Ярославле была

---

¹⁴⁷ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 118.

получена отписка воеводы Белоозера и игумена Кириллова монастыря с братьею с изложением предложения новгородцев белозёрцам «радеть государьскому сыну», быть с Новгородом «в соединенье» и вместе стоять против поляков, литовцев и воров. Не забудем, что в Новгородской грамоте на Белоозеро сообщалось о победе Э. Горна над казацким отрядом А. Михайловича 18 марта 1612 г. Вопрос о царском избрании в это время уже был поставлен ярославскими властями на очередь: ещё 7 апреля 1612 г. они разослали по городам грамоты, в которых просили прислать «в Ярославль изо всяких чинов людей человека по два, и ними совет свой отписати, за своими руками», кого выбирать в цари¹⁴⁸.

Отписка из Белоозера пришла в самую пору, но она не удовлетворила ярославских властей: об условиях договора новгородцев с Делагарди 25 июля 1611 г. о шведском королевиче в ней ничего не сообщалось. В Ярославле решили отправить в Новгород посольство во главе со Степ[аном] Татищевым проведать детально о договоре. Ярославский совет повторил просьбу и новгородцам – прислать в Ярославль из Новгорода «изо властей и изо всяких чинов человека по два и по три»; совет обещался, поговоря с новгородскими уполномоченными, отправить послов ото всей земли к Карлу IX бить челом о королевиче. В то же время Ярославский совет заявил протест против обычного приёма шведов – принуждать города Московского государства к присоединению к Новгороду один за другим в деле признания царём шведского королевича. Совет предлагал решить этот вопрос путём сношений с ним, действовать, так сказать, централизованным порядком. В грамоте, отправленной в Новгород со Степ[аном] Татищевым, писали: «а в городам о том не писати, чтоб им без нашего и всей земли совету быть к Новгородскому государству»¹⁴⁹. Замечательно, что ярославский совет и сам обращался, так сказать, в центр шведского управления на Руси и настаивает, чтобы новгородцы и шведы сносились с ним, как с центральной властью. Понятно, что при сношениях с Ярославским советом шведы должны были встретить большие затруднения для расширения

---

¹⁴⁸ Грамота воеводы князя Пожарского с товарищами и всех ратных людей из Ярославля в Вычегодкам о всеобщем ополчении городов на защиту отечества, о беззаконной присяге князя Трубецкого, Заруцкого и казаков новому самозванцу, и о скорейшей присылке выборных людей в Ярославль для земского совета, и денежной казны на жалованье ратным людям. 1612, апреля 7 // ААЭ. Т. 2, № 203. С. 256.

¹⁴⁹ Список с грамоты, какова прислана из Ярославля от бояр и воевод в Великий Новгород от стольника и воеводы от князя Дмитрия Михайловича Пожарского с товарищами от всей земли к боярину и воеводе к князю Ивану Никитичу большому Одоевскому и ко всяким людям новгородского государства. 1612, май // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК). Сборник. Т. 11. Нижний Новгород, 1912. № 144. С. 254.

своего господства, чем при сношениях с отдельными городами. Таков был первый шаг Ярославского совета в отношении шведов.

Отправление посольства из Ярославля в Новгород в русских источниках объясняется по-разному. В грамоте из Ярославля митрополиту Исидору 26 июля 1612 г. указывали: «и мы и ныне того своего приговору держимся, и для того посылали к тебе великому господину Исидору митрополиту дворян проведывати»¹⁵⁰. То обстоятельство, что Ярославский совет продолжал держаться приговора Ляпуновского ополчения о шведском герцоге, облегчало, разумеется, сношения с Новгородом. Московские бояре в грамоте в Новгород 1615 г. (сохранившейся в черновике. – Г. З.) объясняли сношения Ярославского совета с Новгородом в 1612 г. поспешностью новгородцев при заключении договора с Я. Делагарди в июле 1611 года. «То все делалось, – писали в грамоте бояре, – от вашей слабости и непостоянства, что нимало естя не посидев в осаде в Каменном городе и не обослався в бояры и воеводы под Москву так учинили и на всю Яковлеву (Якоба Делагарди. – Г. З.) волю делись»¹⁵¹.

Автор «Нового Летописца», как говорилось выше, объясняет отправление посольства из Ярославля в Новгород опасением, как бы «немцы» (шведы. – Г. З.) не пошли воевать в Поморские «города»¹⁵². Объяснение «Нового Летописца», хотя это памятник позднего времени, мне представляется более полным и близким к истине; мотивы, указанные в грамотах, представляются второстепенными. Едва ли может быть сомнение в том, что ярославские власти сделали из Новгородской грамоты на Белоозере необходимые выводы. Не исключена возможность, что из Белоозера сообщили в Ярославль и об операциях шведского отряда Мунка в Заонежских и Оштинских погостах. Позднее Ярославскому совету стало известно и о приближении шведского отряда к Белозёрским засекам и о переписке Мунка с воеводами Каргополя. Что у ярославских властей усилилось опасение за Поморье, начинавшееся у Белоозера, это естественно: недаром же они стараются укрепить Белоозеро (см. ниже).

Какой же выход из положения нашёл Ярославский совет? Вспомним, как характеризовал позицию Временного правительства в отношении Швеции Б. Дубровский по возвращении из Москвы в Новгород 19

---

¹⁵⁰ Отписка воеводы князя Дмитрия Пожарского и Ярославской земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о намерении их жить в неразрывном союзе с новгородцами и о посылке в Новгород дворян Порфирия Секерина и Федора Шишкина. 1612, июля 26 // ДАИ Т. I, № 164. С. 288.

¹⁵¹ Грамота бояр в Новгород сохранилась в Архиве древних актов. См.: РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1615 г. Д. 2.

¹⁵² Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 119.

января 1613 года. По рассказу Б. Дубровского, члены Временного правительства «откровенно сказали, что должны добиться мира и помощи с этой стороны, так как не могут держаться против войск и Швеции и Польши сразу»¹⁵³. Выходит, что члены Временного правительства даже по очищении Москвы от поляков стремились избежать борьбы на два фронта. Невероятного в этом ничего нет. Тем более допустимо предположение, что Ярославский совет летом 1612 г., во время подготовки второго ополчения к боям с поляками, стремился избежать войны в одно время с Польшей и со Швецией; он предпочёл вступить в мирные отношения со шведами, утвердившимися в Новгороде.

Отметим, что сохранившиеся на русском языке грамоты ярославских властей в Новгород адресованы не шведскому фельдмаршалу, а воеводе И. Н. Одоевскому и митрополиту Исидору. К Я. Делагарди обратились только с просьбой прислать со Степаном Татищевым «опасный лист, один по-русски, а другой по-немецки, Новгородского государства за печатью и за своею и за боярскою рукою и за воеводскими руками, которые воеводы» с Делагарди «в Новгороде есть», на послов, которых предполагали после договора послать в Новгород¹⁵⁴. Таким образом, официальные сношения со шведами ведутся Ярославским советом через посредство новгородских воеводы И. Н. Одоевского и митрополита Исидора.

Заводя дипломатические сношения со шведами, Ярославский совет в то же время проводит оборонительные меры. В центре внимания совета стоит город Белоозерск. Город на Белоозере был «стар и развалился». Белоозерцы поэтому подняли перед ярославскими властями вопрос о постройке нового города, «в чем бы в приход ратных людей сидеть безстрашно». Ярославские власти идут навстречу, они приказывают строить новый город на Белоозере, «всеми земскими людьми, посадскими и уездными, дворцовыми и черными и язовыми и ловецкими волостями, и монастырскими, и всем уездом». Время дачи этого приказа не удаётся установить точно. 5 мая 1612 г. ярославские власти посылают на Белоозеро воеводе С. Н. Чепчугову новый приказ о том же городском строении; они приказывают заключить в тюрьму на месяц трёх крестьян Шушбалинской и Череповецкой волостей, отказавшихся работать на постройке города (о непослушании этих крестьян сообщили в Ярославль земские и посадские люди). Вместе с тем они предписывают

---

¹⁵³ Расспросные речи Богдана Дубровского. 1613, января 19 // Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / пер. А. В. Полторацкого // Сборник Новгородского общества любителей древности (далее – НОЛД). Новгород, 1911. Вып. V, № 3. С. 18.

¹⁵⁴ Список с грамоты, какова прислана из Ярославля от бояр и воевод в Великий Новгород... 1612, май // Действия НГУАК. Сборник. Т. 11. Нижний Новгород, 1912. № 144. С. 249–250.

начать постройку нового города «тотчас» «всеми людми, и посадом и уездом, без выбору», велют и «иные крепости около посаду однолично сделать неоплошно, чтоб приходчи какие воинские люди, Литовские и Немецкие и русские воры казаки, взятъем не взяли Белоозера, и до конца не разорили и не сожгли». Мало этого, ярославские власти предписывают, по просьбе белозёрцев, воеводам на Вологде отпустить на Белоозеро «зелья тридцать пять пуд да свинцу семнадцать пуд с полпудом», «тотчас не мешкая». Приказ ярославских властей был доставлен по назначению 12 мая¹⁵⁵.

Белозерцы приступили к постройке нового города. Не приняли в этом деле участия лишь жители «Кириловские вотчины» и «Чаронские округи». Игумен Кириллова монастыря с братьею заявили: «они у себя что в монастыре город и всякие крепости делают для осады, а город деи у них около монастыря – строенье старое»¹⁵⁶. Разорение Белозёрска черкасами в конце июля 1612 г., надо думать, помешало делу.

Но в 1613 г. город на Белоозере был построен. Тогда же закончены были работы и по укреплению Кириллова монастыря. Трое выходцев – пленных от литовских людей и от черкас, «Литвин Дмитрий Ондреев сын Любомской, да Немцы, Захарей Кудлин да Данило Скаковский» «в роспросе» 7 октября 1613 г. передавали, что на вопрос литовских людей и черкас, «крепок ли Белозерский острог и Кирилов монастырь», они отвечали так: «Белозерской острог поставлен новой, крепок и людей в нем много, а в Кирилове деи монастыре сделали стену новую каменную, и людей де много ж»¹⁵⁷.

Не забывали ярославские власти об укреплении и Каргополя. В 1614 г. крестьяне Двинского уезда волока Пинежского в челобитной царю писали: «да в прошлом, государь, в 120-м году посылали с Двинские земли ратных людей х Каргополю з Григор(ъ)ем Борисовичем Долгоруковым и мы, государь, двиняне своим ратным (людем) денги давали из твоеи государевы земли»¹⁵⁸. Отправление с Северной Двины ратных людей к Каргополю в 1612 г. состоялось, вероятно, по приказу

---

¹⁵⁵ Грамота воеводы князя Пожарского с товарищами о постройке нового города на Белоозере и о заключении в тюрьму на один месяц трех крестьян за ослушание. 1612, мая 5 // ААЭ. Т. 2, № 206. С. 260–261.

¹⁵⁶ Грамота от кн. Д. Пожарского из Ярославля на Белоозеро к воеводе и дьяку... 1612, июня 16 // ЧОИДР. 1911. Кн. 4, № 72. С. 86.

¹⁵⁷ Расспросные речи и доездные памяти разных лиц о военных действиях и движениях Литовских и Русских изменников в Белозерском и других уездах. Расспросные речи Литвина Дмитрия Любомского и Немцев Захария Кудлина и Данилы Скаковского. 1613, октября 7 // ДАИ. Т. 2, № 7, IX. С. 15.

¹⁵⁸ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича // ЧОИДР. 1909. Кн. 1 (228). Прил. № 8.

ярославских властей. Они же выслали воеводу с ратными людьми и на Устюжну Железнопольскую (см. выше).

Перечисленные мероприятия ярославских властей по организации обороны на западной границе не ускользнули от внимания исследователей, например П. Г. Любомирова. Правильно констатируя факты, П. Г. Любомиров, однако, не объясняет, почему ярославские власти старались укрепить именно города Белозерск, Каргополь, Устюжну; он ограничивается общим указанием, что вожди ополчения принялись за организацию обороны на западной границе на случай нападения шведов¹⁵⁹. Мы видели, что в названные три города были посланы из Новгорода грамоты с увещанием присоединиться к Новгороду и, значит, подчиниться шведам. Мы видели также, что воеводы Белоозера и Каргополя поставили в известность о полученных ими грамотах из Новгорода ярославские власти. Меры, принятые последними в отношении Белоозера, Каргополя и Устюжны, свидетельствуют, что Ярославский совет хорошо понимал, к чему клонят шведы и новгородцы, убеждая русских быть в союзе с ними против поляков; совет считался с возможностью захвата шведами этих городов и хотел предупредить это. Меры Ярославского совета – это ответ на действия шведов, это – меры по обороне Поморья.

Познакомимся теперь с результатами посольства из Ярославля в Новгород. Степ[ан] Татищев с товарищами вернулся в Ярославль 1 июня 1612 г.; новгородские посланные выехали из Новгорода только 8 июня. Официального заявления о согласии принять предложение Ярославского совета не принуждать города Московского государства к присоединению к Новгороду, так сказать, в розницу, один за другим, со стороны шведов не последовало, но увещательные грамоты новгородцев и шведов в города Московского государства после мая 1612 г. не встречаются. Да шведам не было и смысла рассылать грамоты по отдельным городам: ведь в июне они ждали избрания Карла Филиппа царём всего Московского государства. Можно утверждать, что Ярославский совет добился некоторого успеха.

Военные операции шведов к западу от реки Волхова, однако, не прекращались: 16 июня шведы овладели Копорьем, в конце июня – городом Ям, в июле – Гдовом. Об операциях Мунка – близ Каргополя и в Водлозерской волости говорилось раньше.

В конце июня (26-го) 1612 г. в Ярославле состоялись переговоры с новгородскими посланными. Мы имеем детальное изложение этих переговоров. Ярославские власти рассылали отписки с изложением пере-

---

¹⁵⁹ Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 100, 122.

говоров по разным городам¹⁶⁰. Переговоры не привели к желаемому результату, несмотря на то, что ярославские власти в вопросе об избрании царя стояли на той же позиции, что и новгородцы, желали иметь царём «государьского сына». Решение вопроса об избрании царём Карла Филиппа было отложено, пока королевич не приедет в Новгород¹⁶¹.

Прождав напрасно приезда герцога в Новгород целый месяц, 26 июля ярославские власти отправляют в Новгород новое посольство во главе с Перф[ирием] Секириным для заключения договора о союзе, «чтобы крестьянству была тишина и покой». Таким образом, ярославские власти, как бы учитывая попытки шведов вступить в союз с отдельными городами (Белоозером, Каргополом), предлагают шведам заключить союз с ними, как с центральной властью; они снова требуют «городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводити и людей ко кресту (к присяге. – Г. 3.) не приводити, и задоров Московского государства городом, которые сошлись с теми месты, которые ныне к Новгороду, чинити никаких не велети»¹⁶², но о помощи со стороны шведов в борьбе с поляками и не заикаются (в противоположность совету Ляпуновского ополчения, который звал Я. Деллагарди под Москву).

Одинаковые по содержанию грамоты Ярославского совета в Новгород были опять-таки адресованы одна – митр. Исидору, другая И. Н. Одоевскому¹⁶³. Отправление Перф[ирия] Секирина с предложением союза – это второй шаг Ярославского совета в отношении шведов; он так же свидетельствует, что совет стремился избежать открытой

---

¹⁶⁰ Отписка Устюжан к Вычегодцам в июле 1612 г. Переговоры Пожарского с новгородцами. Речи новгородских посланников игумена Геннадия Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря, кн. Ф. Т. Черного-Оболенского. Список. 1612 г. // ААЭ. Т. 2, № 210. С. 266–270.

¹⁶¹ Утверждение Ф. Б. Чебаевского, что переговоры ярославских властей с Новгородом о возможности избрания в цари на русский престол шведского королевича приостановили наступление шведов, уже захвативших к тому времени Тихвин, ничем не может быть подкреплено. См.: *Чебаевский Ф. Б.* Триумфальное шествие народной рати // Труды Горьковского гос. пед. ин-та. № XI. 1943 г. С. 26.

¹⁶² Отписка воеводы князя Дмитрия Пожарского и Ярославской земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о намерении их жить в неразрывном союзе с новгородцами и о посылке в Новгород дворян Порфирия Секерина и Федора Шишкина. 1612, июля 26 // ДАИ. Т. I, № 164. С. 289.

¹⁶³ Грамота митрополиту Исидору напечатана в ДАИ. Т. I, № 166. Грамота И. Н. Одоевскому хранится в Стокгольме в Государственном архиве Швеции. См. Действия НГ УАК. Сборник. Т. 11. Нижний Новгород, 1912. С. 207, прим. В донесении королю 23 августа 1612 г. Я. Деллагарди сообщал, что Д. М. Пожарский и бояре писали «особенно и доверительно» (текст на шведском) и ему. См.: Отрывок листа Деллагарди к королю. 1612, августа 23 // Сб. НОЛД. Вып. 5. № 2. С. 15–16. Однако такой грамоты, которая была бы адресована непосредственно шведскому фельдмаршалу в июле 1612 г., исследователям найти не удалось.

борьбы со шведами. Самое интересное все же то, что ополчение выступает в конце июля из Ярославля, не дождавшись ответа из Новгорода на предложение союза; оно как бы не опасается за тыл; его не останавливает и то, что 30 июля 1612 г. Белозерск был выжжен Литвой. В чём тут дело? Что заставило ополчение поспешить походом к Москве? Обычно указывают, что в Ярославль пришла весть о приближении к Москве гетмана Ходкевича с войском; это и послужило причиной выступления ополчения из Ярославля. Не отрицая этого факта, я хотел бы указать на сложившуюся летом 1612 г. международную обстановку.

Нет нужды распространяться здесь о псковском самозванце; его песенка была уже спета. В половине 1612 г. самозванец, пытавшийся было бежать ночью из Пскова, был посажен под стражу, а 1-го июля того же года «вора» повезли в подмосковные таборы и посадили в заключение.

Необходимо обратить внимание на положение Швеции. Перф[ирий] Секирин с товарищами и новгородскими посланными прибыли в Новгород около 20 августа¹⁶⁴. Бои ополчения с гетманом Ходкевичем под Москвой 22–24 августа 1612 г., таким образом, почти совпадают по времени с приездом ярославского посольства во главе с П. Секириным в Новгород.

В августе 1612 г. возвратился в Новгород и Ганс Мунк.

Шведы не помешали походу Второго ополчения на Москву. Они охотно согласились на договор с ополчением, несмотря на то, что вопрос об избрании шведского королевича в цари откладывался. Больше того. В грамоте, привезённой Богданом Дубровским под Москву 6 октября 1612 г., митр. Исидор сообщал, что воевода И. Н. Одоевский и Я. Деллагарди «послали из Великого Новгорода, для обереганья Наугородцкого уезда, воевод Руских и Неметцких с Рускими и с Неметцкими людьми, а велели им стати в Бежетцкой пятине, в Черенском погосте и в Удомле, и оберегати от Полских и Литовских людей и от воров Ноугородцкой уезд»; в случае нужды воинской части должны были помогать Новоторжскому, Тверскому, Устюжскому, Белозерскому уездам в борьбе с поляками¹⁶⁵.

---

¹⁶⁴ В донесении королю 23 августа 1612 г. Я. Деллагарди писал, что дворяне, посланные из Новгорода в Ярославль к боярам и земским чинам, «вернулись на этих днях вместе с некоторыми уполномоченными от тех бояр». См.: Сб. НОЛД. Вып. 5. № 2. С. 15. Ср.: Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР. 1890. Кн. IV. С. 49. П. Г. Любомиров напрасно старается перевести даты на новый стиль; григорианский календарь был введен в Швеции лишь в 1752 году. См.: Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 144, примеч. 1.

¹⁶⁵ Отписка воевод князей Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского и государственной земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о поражении гетмана Ход-

Чем объяснить подобные действия шведов? В затянувшейся на десятки лет борьбе Швеции с Польшей шведы, разумеется, предпочитали иметь русских на своей стороне. Но в 1612 г. к этому прибавилось ещё новое обстоятельство: война с Данией (Кальмарская война). Мы уже знаем, что война началась ещё при Карле IX наступлением датчан в мае 1611 г. на Кальмар. Уже в первые месяцы войны эта важнейшая крепость на восточном побережье Швеции перешла под власть Дании. После того датчане укрепились на о-ве Эланд. В следующем году (1612) в руки датчан попала сильная шведская крепость на западном побережье – Эльфсборг. 1 июня датчане овладели и Гульдборгом. 4 июля 1612 г. Густав II Адольф с войском отступил к Иенкепингу.

Вся волость Вестерготланд (южная часть лена Эльфсборг, лен Скараборг) оказалась под угрозой датского вторжения. В сентябре датский флот появился у Стокгольма. Лишь благодаря исключительному напряжению сил Густаву II Адольфу удалось отразить опасное наступление датчан. Шведские войска проникли в южные области Скандинавского полуострова Сконе и Бохуслен, принадлежавшие Дании, и опустошили их.

По словам Л. Ставенона, «то была борьба не на жизнь, а на смерть, самая жестокая и наиболее кровопролитная, какая когда-нибудь велась в пределах Швеции. Дело шло о самом существовании шведского государства, об его старинных границах». Война закончилась миром в небольшом голландском местечке Кнереде 20 января 1613 года¹⁶⁶.

Война Швеции с Данией не составляла секрета для шведов, находившихся в России. Победы датчан вызывали у начальников шведских частей в России подавленное настроение. Уже в июне 1612 г. Э. Горн сообщал Я. Делагарди из Копорья об осаде Эльфсборга. В донесении тому же Я. Делагарди из-под Ивангорода от 3-го июля 1612 г. Э. Горн не скрывает, что среди руководящих лиц Швеции замечается нерешительность; правительство ощущает также недостаток в деньгах. Вдовствующая королева со своим младшим сыном (Карлом Филиппом) удалилась из Стокгольма в Грипсгольм. Такие сведения, по словам Э. Горна, привезли Детлон Тизенхаузен и другие. Интересно, что приведённые выше известия переданы в донесениях Э. Горна, написанных по-

---

кевича, об очищении Китая и Кремля города от поляков и созвании в Москву выборных земских чинов, для избрания государя. 1612, ноября 15 // ДАИ. Т. I, № 166. С. 292.

¹⁶⁶ Ход войны подробно изложен в сочинении Г. В. Форстена. См.: *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. II, X, XI. Трехсотлетие мира в Кнереде отмечено было в Швеции в 1913 г. Новейший труд о войне см.: *Sveriges krig 1611–1632*. Bd. 1. *Danska och Ryska krigen*. Stockholm, 1936. B. 1. D. 1, 2. На русском языке работа Г. В. Форстена. См.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1894. Т. II. С. 104–107.

шведски, на французском языке; этим языком шведские военачальники, видимо, пользовались, как шифром¹⁶⁷.

О датско-шведской войне стало известно и Ярославскому совету. О войне упомянул один из новгородских посланных, князь Фёдор Оболенский, в речи на заседании Ярославского совета 26 июня 1612 года. По рассказу Оболенского, Карл Филипп «вместе с братом своим с Густавом королем промышлял, против Датского ратью ходил и многих людей датских побили, и меж собою с Датским королем ссылались и в миру учинилися»¹⁶⁸. Этим Ф. Оболенский объяснял неприезд Карла Филиппа в Новгород.

Ф. Оболенский в данном случае обнаруживает недостаточную осведомлённость о ходе войны между Швецией и Данией, а, может быть, намеренно извращает факты. О мире между этими государствами в июне 1612 г. ещё речи не было. Наоборот, лето 1612 г. было самым тяжёлым временем для шведов. Неприемлемо сообщение Ф. Оболенского и о Карле Филиппе: последний ещё мальчик по возрасту, находился вместе с матерью в Грипсгольме, в тылу, а не на театре военных действий.

Возможно, что официальная речь Ф. Оболенского была инсценирована Я. Делагарди. При неофициальных переговорах с ярославскими властями новгородские посланные, остававшиеся в Ярославле свыше месяца, могли сообщить о датско-шведской войне более подробные и притом верные сведения.

В августе в ополчении узнали о шведско-датской войне с другой стороны. 10 августа 1612 г. дьяк Савва Романчуков по приказу Д. М. Пожарского расспрашивал прибывшего недавно «немчина Якова Шава». При допросе Шав сообщил в частности следующее: «у Датцкого короля с Свейским война; только Датцкой Свейскому силен, города у него поимал и ныне землю его воюет»¹⁶⁹. Не трудно представить, какое значение имела для национально-освободительного движения на Руси война Швеции с Данией. Шведские историки утверждают, что «великая смута на Руси» начала XVII в. сыграла огромную роль в борьбе Швеции с Польшей: Швеция освободилась от необходимости вести войну одновременно на два фронта (т. е. с Польшей и с Московским государством)¹⁷⁰. В 1611–1612 гг. ситуация изменилась в пользу России. Война с

---

¹⁶⁷ Письма Э. Горна Я. Делагарди хранятся в библиотеке Тартуского университета. См. *Кордт В. А.* Указ. соч. С. 36–37.

¹⁶⁸ Отписка Успожан к Вычегодцам... 1612 г. // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 210. С. 269.

¹⁶⁹ Приезд в Ярославль, а потом в Переяславль Залесский англичанина Якова Шава. 1612, августа 9–17 // Акты времени междоусобия (1610 – 17 июля 1613) / под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябина. М., 1915. С. 53.

¹⁷⁰ *Sveriges krig 1611–1632*. В. II.

Данией сковала силы Швеции, это, безусловно, было на руку Второму земскому ополчению.

Вожди ополчения не преминули использовать благоприятную для России международную ситуацию. Придерживаясь мирной политики в отношении шведов, засевших в Новгороде, но и не опасаясь, видимо, крупных операций с этой стороны, вожди ополчения концентрируют свои вооружённые силы на одном фронте, громят в августе 1612 г. гетмана Ходкевича с войском, а в конце октября того же года очищают совместно с казаками Д. Т. Трубецкого Москву от поляков.

Следует признать политику Ярославского совета в отношении Швеции в 1612 г. не просто искусной, но и приведшей к полному торжеству великого патриотического дела.

Мы пришли к концу нашего небольшого этюда. В заключение хотелось бы отметить ещё одно: из этюда видно, что события в Московском государстве 1612 г. стоят в тесной связи с событиями в Западной Европе, и рассматривать их изолированно невозможно.

Позволяем себе вкратце резюмировать свои выводы:

1. После захвата Новгорода в июле месяце 1611 г. и разрыва переговоров между советом Ляпуновского ополчения и Я. Делагарди об избрании одного из шведских герцогов в цари Московского государства шведская интервенция продолжается. В центре внимания шведских оккупантов стоит борьба с псковским самозванцем, но, в то же время, шведы принуждают присоединиться к Новгороду и другие города, в том числе Тихвин.

2. Из операций шведских отрядов на территории Московского государства выделяются операции отряда Ганса Мунка. Посланный в сентябре 1611 г. в Оштинские и Заонежские погосты для сбора не уплаченных крестьянами налогов Мунк зимой 1611–1612 г. принуждает крестьян некоторых дворцовых волостей присягнуть шведскому королевичу, в частности, пытается захватить Сумский острог, которым безуспешно старался овладеть до этого Андерс Стюарт.

3. Присяга подмосковных казаков под начальством Д. Т. Трубецкого псковскому самозванцу 2 марта 1612 г., вызывает у шведских военачальников новый прилив энергии. С целью противодействия усилению псковского самозванца новгородские власти рассылают в разные города (на Белоозеро и Кириллов монастырь, в Каргополь, на Устюжну Железнопольскую) грамоты с увещанием радеть «государьскому сыну» (шведскому королевичу. – Г. З.), уже признанному царём в Новгороде. В то же время Мунку поручается овладеть Белозёрском и Каргополем.

Шведский фельдмаршал пытается добиться, чтобы к Новгороду присоединилась и Устюжна Железнопольская.

4. Захватить Сумский острог, Белоозеро, Каргополь и Устюжну шведам не удалось, в результате операций Мунка шведы утвердились лишь на Оште; здесь шведам временно подчинились крестьяне некоторых дворцовых волостей.

5. При сопоставлении операций Мунка с инструкцией Густава II Адольфа комиссарам в Выборге 18 июня 1613 г., этой программой-максимум шведских оккупантов, становится ясным, что операции Мунка близ Белоозера и под Каргополем представляют новый шаг по пути реализации «великого» плана Швеции в отношении России, переживавшей трудные годы.

6. В ответ на захватнические действия оккупантов в Заонежских и Оштинских погостах местные крестьяне неоднократно поднимают восстания. Можно утверждать, что в Заонежских погостах вспыхивает партизанская война. Партизанские набеги из Заонежья на Карельский уезд имеют место даже в 1613 г. при царе Михаиле. В свою очередь совет Подмосковного ополчения отправляет на Ошту против шведских оккупантов заонежских ратных людей.

7. С продвижением шведских оккупантов вглубь Московского государства должно было считаться на первых порах своей деятельности и Второе земское ополчение, сформировавшееся в Нижнем Новгороде. Кажется, в связи с захватом шведами Тихвина и выяснением новой линии шведского наступления – Тихвин-Белоозеро – нужно поставить изменение первоначального маршрута Второго ополчения (вместо Нижний – Москва, Нижний – Ярославль). В вопросе о занятии Ярославля интересы Второго ополчения столкнулись с интересами подмосковного качества. Победа оставалась за ополчением.

8. Во время продолжительной стоянки Второго ополчения в Ярославле совет ополчения ведёт тонкую политику в отношении шведов. Осведомлённый о бое шведов с казачьими отрядами Михайловича и др., служившими полякам, 18 марта 1612 г., Ярославский совет, уже поставивший в апреле 1612 г. на очередь вопрос об избрании царя, сам придерживавшийся решения совета Ляпуновского ополчения о шведском королевиче, останавливается на решении отправить в Новгород посольство во главе со Степ[аном] Татищевым, чтобы разведать об условиях договора Новгорода с Я. Делагарди о королевиче, заявить протест против присоединения городов Московского государства к Новгороду и пригласить новгородских выборных принять участие в выборах царя.

9. Заводя дипломатические сношения со шведами, засевшими в Новгороде, Ярославский совет в то же время старается укрепить угро-

жаемые со стороны шведов Белоозеро, Каргополь и Устюжну Железнопольскую; это были меры совета по обороне Поморья со стороны шведов.

10. Хотя новгородские посланные и прибыли во второй половине июня 1612 г. в Ярославль, всё же царское избрание не состоялось. Прождав напрасно приезда шведского герцога в Новгород целый месяц, Ярославский совет отправляет в Новгород новое посольство во главе с Перфирием Секириным для заключения союза со шведами. Ополчение выступает из Ярославля по направлению к Москве, не дождавшись, однако, ответа от Я. Делагарди на сделанное предложение. Переговоры Перф[ирия] Секирина в Новгороде о союзе со шведами почти совпадают по времени с боями ополчения под Москвой с войском гетмана Ходкевича.

11. Поспешное продвижение ополчения из Ярославля к Москве необходимо поставить в связь не только с вестями о приближении Ходкевича с войском к Москве, но и с крайне трудным положением в это время Швеции, создавшимся в результате войны с Данией. Учитывая сложившуюся в 1612 г. благоприятно для России международную обстановку, вожди Второго ополчения концентрируют свои вооружённые силы на одном фронте против поляков, громят войско Ходкевича и затем, соединившись с казаками Д. Т. Трубецкого, очищают Москву от врагов. Тонкая политика вождей 2-го ополчения в отношении шведов привела к полному торжеству великого патриотического дела, начатого нижегородцами.

12. События в Московском государстве 1612 г. нельзя рассматривать изолированно от событий, имевших место в Западной Европе.

ОР РГБ. Ф. 618 (Фонд Г. А. Замятина). Картон № 2. Ед. хр. 1.

Приложение

Письмо И. У. Будовница Г. А. Замятину
Москва, 5 февраля 1951

Проф. Г. А. Замятину,
Молотов.

Глубокоуважаемый Герман Андреевич,

Ваше письмо от 22 января с. г. получено с большим опозданием. Отвечаю по пунктам.

1. Ваша статья «Из истории борьбы русского народа со шведской интервенцией в начале XVII в.», в своё время, вызвала ряд возражений со стороны членов редакции и не будет у нас помещена.

Возражения эти сводятся главным образом к тому, что в центре внимания статьи находится не «борьба русского народа со шведской интервенцией», а борьба Ганса Мунка с русским народом.

В то время как о народной борьбе против шведской интервенции говорится только в общих чертах, без всяких конкретных данных, в статье на основе скрупулёзнейших изысканий приводятся подробные данные о биографии Ганса Мунка, о его продвижении по службе и т. д.

Хуже всего, что шведы не показаны как интервенты: из их интервенционистских подвигов отмечается только то, что они собирали налог в заонежских и оштинских погостах, во всём остальном они даже как будто действуют на пользу Новгорода – «присоединяют» Тихвин к Новгороду, разбив казаков, добиваются прекращения их набегов на Новгородскую землю. Отмечалось также, что статья велика для нас (4 1/2 листа). Рукопись при сём возвращается.

НИОР РГБ. Ф. 618 (Фонд Г. А. Замятина). Картон № 9. Ед. хр. 31.

Публикацию подготовил Я. Н. Рабинович.